

Осень. За окном идет дождь, а вспоминается летняя дата – 8 июля 1933 года. Это особый день. 8 июля 1933 года Театр музыкальной комедии открывался постановкой из ненашей жизни – спектаклем «Роз-Мари».

Мы, сегодняшние, привыкли к тому, что любое событие в нашем театре освещается в прессе. Но увя... Газета «Уральский рабочий» в июле 1933 года отчитывается об индустриализации и искореняет антигосударственные тенденции.

Нет ни строчки об открытии театра.

Сегодня, 75 лет спустя, мы поздравляем Свердловский Государственный Академический театр музыкальной комедии с юбилеем и приветствуем на страницах нашего журнала!

Этот номер получился театральным. Премьеры, аплодисменты, звезды, гастролы.

В «Литературном кафе» вы познакомитесь с Константином Рубинским – автором либретто к звездным мюзиклам театра «Ночь открытых дверей», «Храни меня, любимая», «www.СИЛИКОНОВАЯ ДУРА. Net».

Не пропустите волнующую встречу с книгой «Принцесса Турандот». Возвращение после полувекового забвения.

Издательство «Самокат» представляет книгу Дины Сабитовой «Цирк в шкатулке» – современная сказка о волшебстве и мечтах.

Под занавес – окончание интервью с Гоблином – известным переводчиком.

От редакции.

ПРИКЛЮЧЕНИЯ С ДОСТАВКОЙ НА ДОМ

Дина Сабитова, филолог по образованию, когда-то представляла, что со временем превратится в седую и толстую профессору в очках за кафедрой Казанского университета... Но все получилось совсем не так. Дина переехала в другой город, оставила преподавательскую деятельность и принялась по вечерам сочинять сказки для двух своих сыновей. Обычно эти истории не выходили за пределы детской комнаты, хотя время от времени и появлялись в журналах.

Но одну сказку – «Цирк в шкатулке» – Сеня и Тёма слышали только тогда, когда о ней узнала вся Россия. Когда в июне 2007 года были объявлены лауреаты второго сезона Национальной детской литературной премии «Заветная мечта», среди победителей в номинации «Большая премия» была повесть-сказка о мальчике Мафике, клоуне Шкатулке и собаке Миске, единодушно выбранная детским жюри.

Маленький Мафик всегда мечтал о цирке. Правда, он не знал, что нужно сделать, чтобы его туда взяли. Хотя он мог бы, например, подметать манеж, поить лошадей, выколачивать попоны, заваривать чай и кофе – да много чего еще... Однажды утром он покинул приют и, пробравшись на пустырь, где остановился проезжавший через городок цирк, спрятался в цирковой тележке...

«Цирк в шкатулке» – это современная сказка о детстве, дружбе, волшебстве и о том, как мечты становятся реальностью. А еще о том, что дети в этом мире не одиноки и всегда могут найти поддержку. Иной раз – с самой неожиданной стороны!

ДИНА, ДЛЯ НАЧАЛА – САМЫЙ ОБЫЧНЫЙ ВОПРОС: КАК ПОЛУЧИЛОСЬ, ЧТО ВЫ НАПИСАЛИ СКАЗКУ?

Именно сказку? Не случайно. Я вообще ужасно не люблю правдивые суровые взрослые романы про жизнь, – в таких романах кончается все смутно или плохо. А этого и в жизни у многих хватает – плохо. Хотя телевизор не включай и в окно не смотри. Так что я люблю, чтобы хоть в книге все кончалось хорошо – а это гарантировано только в сказках.

ПО БОЛЬШОМУ СЧЕТУ,
О ЧЕМ ВАША КНИГА?

Вы удивитесь, но по большому счету она не про цирк. Она про то, что люди могут быть счастливы только тогда, когда окажутся на своем месте в жизни. Найдут себе дело по душе, поймут, что на самом деле важно – любить того, кто рядом, петь колыбельные детям, быть самим собой.

Продолжение на с. 32

КОНСТАНТИН РУБИНСКИЙ. СОЛНЕЧНЫЙ АВТОР

Спектакль Свердловского театра музыкальной комедии «Ночь открытых дверей» в 2006 году получил национальную премию «Золотая маска». Либретто мюзикла, ставшего лучшим в России, написал Константин Рубинский.

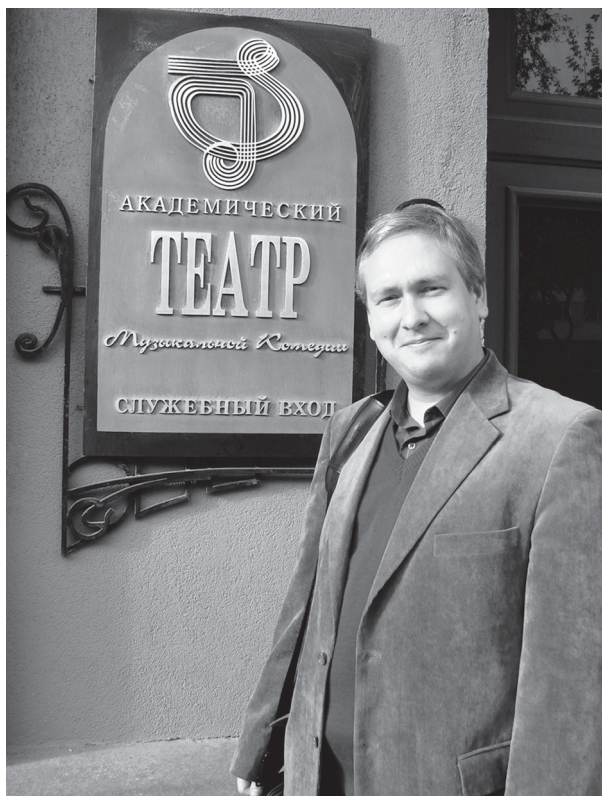
Константин РУБИНСКИЙ. Поэт, педагог, драматург. Родился в Челябинске в 1976 году. В 2001 году окончил Литературный институт им. А. М. Горького (Москва). Автор четырех поэтических сборников. Член Союза писателей России. Победитель Международного конкурса педагогов (2001), лауреат президентской премии в рамках программы «Одаренные дети» (2002). Постоянный преподаватель поэтических мастер-классов в Международной творческой школе ЮНЕСКО (г. Суздаль), а также в Москве. В ХМАО два года проводит детский фестиваль «Тропинка на Парнас».

Сотрудничал с МДЦ «Артек»: неоднократно писал сценарии открытия международного кинофестиваля. Автор пьес «Это все, что от вас осталось», «Silentium» (в рамках проекта «Театр Серебряного века»).

Для Свердловского театра музыкальной комедии – постоянный автор, сподвижник (автор либретто мюзиклов «Ночь открытых дверей», «Храни меня, любимая», «www.СИЛИКОНОВАЯ ДУРА.net»). Впереди новые проекты...

ВЫ НАЧАЛИ ПИСАТЬ СТИХИ
С ЧЕТЫРЕХ ЛЕТ.
С ЧЕГО ВСЕ НАЧАЛОСЬ?
ИХ ЗАПИСЫВАЛИ ЗА ВАМИ,
ИЛИ ВЫ К ЭТОМУ ВРЕМЕНИ
И ЧИТАТЬ, И ПИСАТЬ УМЕЛИ?
КАКИЕ ДЕТСКИЕ ВОСПОМИНАНИЯ
О КНИГЕ ДО СИХ ПОР С ВАМИ?

Думаю, началось всё с того, что я очень рано узнал слово «на вкус». Узнал его не как прикладную данность, которой мы пользуемся в быту, а внутренне оценил его самооценность, «самовитость». Когда мне было четыре года, мы хором с матушкой читали вслух «Бузину» Цветаевой — эту невообразимо сочную вещь, которая почти физическое удовольствие языку доставляет, когда её произносишь. Что до смысла, я, конечно, ничего не понимал. Но музыку слова почувствовал именно тогда. И она мне понравилась, наверно, даже больше смысла, который я потом, лет десять спустя, в цветавских стихах открыл.

БУЗИНА

Бузина цельный сад залила!
Бузина зелена, зелена,
Зеленее, чем плесень на чане!
Зелена, значит, лето в начале!
Синева — до скончания дней!
Бузина моих глаз зеленей!

А потом — через ночь — костром
Ростопчинским! — в очах красно
От бузинной пузырьчатой трели.
Красней кори на собственном теле
По всем порам твоим, лазерь,
Рассыпающаяся корь

Бузины — до зимы, до зимы!
Что за краски разведены
В мелкой ягоде слаще яда!
Кумача, сургуча и ада —
Смесь, коралловых мелких бус
Блеск, запекшейся крови вкус.

Бузина казнена, казнена!
Бузина — целый сад залила
Кровью юных и кровью чистых,
Кровью веточек огнекистых —
Веселейшей из всех кровей:
Кровью сердца — твоей, моей...

А потом — водопад зерна,
А потом — бузина черна:
С чем-то сливовым, с чем-то липким.
Над калиткой, стонавшей скрипкой,
Возле дома, который пуст,
Одинокий бузинный куст.

Бузина, без ума, без ума
Я от бус твоих, бузина!
Степь — хунхузу, Кавказ — грузину,
Мне — мой куст под окном бузинный
Дайте. Вместо Дворцов Искусств
Только этот бузинный куст...

Новоселы моей страны!
Из-за ягоды — бузины,
Детской жажды моей багровой,
Из-за древа и из-за слова:
Бузина (по сей день — ночью...),
Яда — всосанного очьми...

Бузина багрова, багрова!
Бузина — целый край забрала
В лапы. Детство мое у власти.
Нечто вроде преступной страсти,
Бузина, меж тобой и мной.
Я бы века болезнь — бузиной
Назвала...

МАРИНА ЦВЕТАЕВА.

11 сентября 1931, Медон —

21 мая 1935, Ване

Писать я научился сам очень рано. И даже печатать на машинке. У матушки была чудесная чешская печатная машинка. Вся блестела. Большая редкость в то время. И я любил по ней кулаками стучать. А матушка, конечно, не позволяла. И тогда, чтобы оправдать своё «стучание», я как-то раз, лет так в пять, заявил маме, что стихи на машинке настукиваю. Она опешила и стала меня к машинке подпускать.

В раннем детстве слово «поэт» для меня было синонимом слов «уже мёртвый». Потому что все поэты, кого я читал, были уже мертвы. Поэт — значит умер. В общем-то, для России это вполне актуальный парадокс, но в детстве я об этом не знал. И вот как-то раз я горько плакал вечером в кроватке, потому что мама прочла мне стихи Юнны Мориц, я в них сразу влюбился, а заодно и в автора, в её фотографию. И я рыдал: «Мы ведь с ней никогда не встретимся, она — Поэт!» «Да нет же, она жива, хочешь — напиши ей письмо!» — твердила матушка. И на следующий день я написал разноцветными карандашами письмо Юнне. И Юнна ответила — о, чудо! Та наша переписка сейчас воспринимается как абсолютное волшебство. Какие письма-сказки она мне писала! А позже даже сочинила стихотворение про наше с ней общение.

Я никогда не считал себя в детстве вундеркиндом и к вундеркиндам отношусь до сих пор подозрительно. Мне всё время, знаете ли, видятся такие сумасшедшие родители — фанаты с горящими глазами, желающие, чтобы ребёнок участвовал во всех конкурсах, фестивалях, соревнованиях... А дитё у них, как правило, маленькое, бледное, замученное, но, конечно, в большой бархатной бабочке. И они таскают ребёнка по поэтам, художникам и экстрасенсам, чтобы те признали, что в «мальчике что-то этакое непростое есть». Ко мне тоже притаскивают периодически. Я веду поэтические мастер-классы в Челябинске, Ханты-Мансийске, Суздале, Москве — и периодически объявляются такие страстные родители с измученным ребёнком, уверенные, что у них гений подрастает. Очень тяжело им объяснять, что они, массируя своё самолюбие, просто лишают ребёнка детства.

Настоящие юные таланты попадались мне раза три-четыре. И, как правило, родители у них мудрые. Понимают, что быть «гением в очочках» не более важно, чем уметь владеть элементарными жизненными навыками: забить гвоздь, приготовить пюре, дать сдачи обидчику... И стараются деликатно увести киндеров от тепличности, рассеянности, «не-от-мирности», потому что ведь им жить реально, а не в книгах. Как сказал мой любимый поэт Дмитрий Быков: «Жизнь выше литературы, хотя скучнее стократ».

ГОВОРЯТ, ЧТО АВТОРАМ ИЗ ПРОВИНЦИИ ТРУДНО
ПОПАСТЬ В СТОЛИЧНЫЕ ЖУРНАЛЫ.
КАК ЭТО БЫЛО У ВАС?

Меня печатали с детства, в том числе, в центральной периодике, и никто меня особенно не «двигал». Наверное, это какой-то счастливый жребий, что ли. Но были, конечно, люди, которые проникались

и помогали. В Екатеринбурге это прежде всего — Майя Петровна Никулина. Я не умею себя «продвигать». Во мне нет «коммерсантской» жилки этой, которую сейчас всем прививают. Я вообще сторонник утверждения, что истина торжествует не в момент опубликования рукописи, а в момент её создания, поэтому не считаю зазорным писать «в стол». У меня многое написано «в стол», и я не умираю по этому поводу. Зато, мне кажется, именно графоманы меньше всего терпят, когда у них что-то немедленно не выносятся на «суд публики».

И ЧТО В СТОЛЕ?

Есть роман, причём законченный в 18-летнем возрасте, есть стихи, есть новеллы и даже детская книжка. Романом сейчас заинтересовалась Москва.

ВЫ ПЕРВЫЙ ГОСТЬ ЖУРНАЛА, КОТОРЫЙ ЗАКОНЧИЛ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ИНСТИТУТ. КТО БЫЛИ ВАШИ УЧИТЕЛЯ, ОКРУЖЕНИЕ? СТАЛА ЛИ МОСКВА ЛЮБИМЫМ ГОРОДОМ, ОКАЗАЛА КАК ГОРОД КАКОЕ-ТО ВЛИЯНИЕ?

Литинститут — это прежде всего не учёба, а атмосфера. Такой огромный творческий «салат», в котором кувыркаются тебе подобные, и идёт... взаимобмен витаминами мощный, что ли. Тридцать пять поэтов на семинаре! Если вдуматься, это же почти фантастика! Штучное создание — поэт. А тут их тридцать пять в одной комнате, и все читают, бурлят, пикируются, влюбляются в стихи и друг в друга! Вот это процесс! Да, он немного общего имеет с классической атмосферой тишины и созерцания, необходимой для зрелого художника, но восемнадцатилетним девушкам и юношам порой важнее не тишина, им нужно это бурление, в котором тоже происходит внутреннее становление.

Мой руководитель поэтического семинара — замечательный поэт Олеся Николаева. Она всегда умела найти очень точные слова, говоря о стихах, в том числе, моих. Это очень сложно. Потому что после чтения стихов вообще молчать хочется. Класть книжку на колени и в окно смотреть. И что-то говорить после этого, формулировать, разбирать — здесь нужен такой филигранный талант, такое чувство меры, мастерство... Олеся Александровна это умеет:

«В стихах Константина Рубинского ощущается дивный трепет жизни, получающей имя и откликающейся на него из бессловесности и небытия, поэт любовно рассматривает вещи её подробности, драгоценные частности, поющие о себе вещицы. Можно говорить и о поэтической щедрости поэта, о множестве стилистических путей, которые он пытается освоить и усвоить, о профессионализме его пера и серьёзности его словесных игр».

Я счастлив был также общаться с Олегом Чухонцевым и покойной Татьяной Бек и даже вести вместе с ними мастер-классы на Международной творческой школе ЮНЕСКО в Суздале. Это большие мастера и достойнейшие люди. Сейчас как-то полустыдливо человеческий фактор за скобки выносятся: мол, какая разница, что за человек, главное, как пишет, не путайте творческое и личное. Но для меня

ТЕТРАДКА ДЛЯ СКАЗОК

Голубушка-птичка,
Прошу хоть на час
Я вас приземлиться
У речки Миасс.

Там — город Челябинск,
А в городе — дом,
А в доме приятель мой,
Маленький гном!

Зовут его Костя,
А лет ему пять,
Он может
Печатные буквы
Писать!

А кроме того,
Безо всякой подсказки
Он сам сочиняет
Волшебные сказки!

Лети же голубка
К нему на крыльцо
Клади на крыльцо
От меня письмецо:

«Мой друг ненаглядный,
Мой милый читатель
И собственных сказок
Весёлый писатель!

Я вам подарю
Голубую тетрадь —
Печатными буквами
Сказки писать!

Вчера и сегодня,
Мой друг дорогой,
Тетрадку я красила
В цвет голубой,

Просохнет она
На верёвке в саду —
Тогда утюжком я
По ней проведу,

Потом я прилажу
К ней пару завязок
И срочно пришлю вам
Тетрадку для сказок!

Они обожают
Тетрадь голубую,
Как лебеди — озеро!
Крепко целую!»

ЮННА МОРИЦ

особенно ценно то, что у этих людей можно учиться и в человеческом плане — их правдивости, душевной теплоте, стоицизму на грани самоотвержения, высокому достоинству. Все эти качества как бы по невидимым капиллярам передаются в их стихи. И поэтому их стихи такие подлинные, несомненные, они чужды всякой выпренности и постмодернистским игрищам, модному ныне эстетскому любованию «гниением».

Москва для меня — это прежде всего чудовишный ритм жизни, ритм города, в который тебя втягивают помимо воли. Хочешь идти, а бежишь. Хочешь прогуляться, а несёшься. Толпа заносит в метро, выносит из него. Но чем ближе плечи близстоящих, тем более одиноки и разобщены люди. «Лицом к лицу лица не увидать». Физическая теснота, толпы на станциях, вокзалах, проспектах, в парках по выходным — и ощущение, что каждый сам по себе, в себе. Количество одиноких девушек в столице сражает. Идёт, помахивая букетиком, который купила сама себе, задумчиво и просительно смотрит в лица спешащим. Её задумчивость и неторопливость кажутся анахронизмом, безумием на общем фоне.

Ритм «свихивает». В суете, где нет места мысли подуматься, чувству проклюнуться, сознанию сохранить равновесие, рассудок тонет. Приезжаю на Урал и наслаждаюсь, гуляя по спальному району. Какое пространство между людьми! Сколько воздуха. Никто никуда не торопится, наоборот, даже чуть-чуть сонные. Общественный транспорт ходит неспешно (что после столицы одобряется). Покой и воля, по Александру Сергеевичу. Это главное эмоциональное впечатление от ЛЮБИМОЙ (несмотря на всё вышесказанное) Москвы.

КАКИЕ ОТНОШЕНИЯ С ТЕАТРОМ БЫЛИ В ВАШЕЙ ЖИЗНИ ДО СВЕРДЛОВСКОГО ТЕАТРА МУЗКОМЕДИИ, КАК НАЧАЛАСЬ ДРУЖБА С НАШИМ ТЕАТРОМ? ДИККЕНС БЫЛ ЕДИНСТВЕННОЙ ДРАМАТУРГИЧЕСКОЙ ПРОБОЙ ИЛИ БЫЛИ ДРУГИЕ АВТОРЫ?

Десять лет назад в Челябинском Новом Художественном Театре мною были созданы два проекта в рамках так называемого «Театра Серебряного Века». «Это всё, что от Вас осталось» — спектакль по произведениям А. Вертинского и «Silentium» — театральные медитации по произведениям О. Мандельштама. Я выступал как автор сценария, композитор и даже аранжировщик. Восемь лет музыкального образования тоже дают о себе знать. Я не говорю «драматург», потому что, по идее, в спектаклях не было ни одного моего «авторского» слова — даже реплики героев были взяты из прозы, стихов, дневников, писем вышеназванных поэтов.

В Свердловскую музкомедию мы пришли практически с улицы вместе с моим соавтором, композитором Евгением Кармазиным. Женя учился в Уральской консерватории и знал этот театр.

Театр к тому времени был готов сотрудничать с молодыми авторами, обновлять репертуар авторскими работами. Мы сидели с главным режиссёром Кириллом Стрежневым и с зав. литературной частью Еле-

<http://k-s-rubinsky.narod.ru/>

Женя Кармазин – мой хороший друг, причём практически с детства. Мы оба учились в Челябинском колледже музыки, вместе задумывали первые наши проекты – песни, водевиль... Кое-что и сейчас осталось в черновой папке. Мюзикл «Ночь открытых дверей» делали очень долго и вдумчиво. Особенно Женя – он всё делает очень основательно, с настоящим «академическим» подходом, говорили, что шикарные аранжировки, которые он сделал для «Ночи», оркестранты не все могли исполнить без длительных репетиций. Он вообще основателен во всём, у него нет творческого легкомыслия, и он ничего не пишет левой ногой. В общем, «играет не из денег, а только б вечность проводить». Такая стойкость, вдумчивость и профессиональная серьёзность вызывает глубочайшее уважение.

ной Обыденновой, и вдруг точно искра между нами проскочило слово «Диккенс». И мы все вспыхнули моментально! Это был момент истины, нас будто кто-то в одно созвездие единомышленников соединил! Стало ясно: дело пойдёт.

Фазиль Искандер как-то поделил всех писателей условно на людей Дома (Толстой, Ахматова) и бездомья (Достоевский, Цветаева). Диккенс — классический писатель Дома, очага, семейного тепла и света. Поэтому дух его книг узнаётся с полуслова, даже быстрее собственно писательского стиля. Мы создали очень уютный, домашний спектакль, несмотря на диккенсовских призраков, скрепя Скруджа и холодный декабрь в Лондоне. Чувство дома в этой работе неподдельно. Находились и недовольные, которые всегда ждали от оперетты привычных женских ножек, полупостельных интриг и пикантных лирических недоразумений, но их было меньшинство. Музыкальный спектакль получил с «Ночью открытых дверей» новое дыхание. «Лёгкий жанр» заговорил о милосердии к ближнему, любви в её общечеловеческом значении, о необходимости перемен в каждом из нас. При этом от «моралитэ» мы были далеки. Получилось ненарочито и легко, как у самого Диккенса. Может быть, и это не в последнюю очередь послужило причиной «Золотой Маски» за лучший спектакль.

Я всегда говорю, что желал бы брать в качестве оригинала для возможного либретто «по мотивам» не любимый материал, а чуждый, сопротивляющийся. Взять книгу, историю, которая мне чужда, к которой я пока «непромокаем» — и, пропустив через призму своего восприятия, сродниться с ней, сделать из неё своё — это очень интересно.

Хотя сегодня основная проблема либреттистов музыкального театра как раз сформулирована: люди в основном боятся делать что-то авторское, они берут в качестве первоисточника безопасную классику, которой можно в случае чего прикрыться. Почти никто не пишет своих историй. Все работают «по мотивам». В этом смысле, последние опыты Свердловской музкомедии уникальны.

**ВЫ ХОТИТЕ РАБОТАТЬ ТОЛЬКО С МУЗЫКАЛЬНЫМИ
ТЕАТРАМИ ИЛИ ЕСТЬ ТЯГА И К ДРАМАТИЧЕСКИМ ТЕАТРАМ?**

Да, есть давнее желание написать драматическую пьесу. О конкретных планах пока помолчу. Всё-таки жанр мюзикла неизбежно диктует свои законы и спрямляет многое, что можно было бы реализовать в драме.

**СУДЯ ПО ПУБЛИКАЦИЯМ, КАК ПЕДАГОГ
ВЫ СОСТОЯЛИСЬ ДАВНО: ЕСТЬ СВОИ УЧЕНИКИ,
СВОЯ ШКОЛА. ЧТО ЭТО ДЛЯ ВАС? «СИЛИКОНОВУЮ ДУРУ»
ВЫ ПИСАЛИ ПО СВОИМ ОЩУЩЕНИЯМ ОТ ШКОЛЫ?**

«Силиконовую дуру» писать со своих учеников, со своей школы? Боже упаси! Я бы там и дня не проработал, что вы! Я работаю в физико-мате-

матическом лицее, ученики которого регулярно становятся призёрами мировых олимпиад. Там практически одни отличники, «ботаники», как теперь их называют. И приходят ко мне в литературную мастерскую ребята, которые очень отличаются от героев «Дуры». Это люди вдумчивые, тонкие, творческие, рефлексирующие. Может быть, только главный герой Митя отчасти с них списан, хотя... большинство из них всё-таки поумней и поуверенней его. Я думаю, им «Дура» вообще бы не понравилась, потому что им достаточно выйти на улицу, чтобы всё, что есть в «Дуре», увидеть в жизни. Им этого на улице хватает.

Знаете, чтобы сегодня написать «Силиконовую дуру», мне кажется, в школе работать вообще не обязательно. Достаточно «Дом-2» посмотреть или полазить по обычным Интернет-чатам. Вот там как раз такая... интерактивная публика. Причём в реале — да, они могут тоже быть учениками моего лицея, а вот выходят в Интернет и становятся истинными героями «Силиконовой дуры». Спектакль-то ведь тоже об Интернете.

Вообще, если говорить о каких-то картинках с натуры в спектакле, то их больше в линии учителей, тестов и проверяющего чиновника. Это всё мы сегодня хлебам крупной ложкой. Человека, личность в образовании всё больше заменяет директива, бумага. И ни детям, ни учителям эта система не помогает, наоборот — делает наше образование колоссальным бюрократическим аппаратом. «Дура» — спектакль о бесчеловечности в

*Александр Пантыкин,
Елена Обыденнова,
Константин Рубинский*

самом безоценочном смысле слова: о том, как за чиновничьи бумагами, формальными педсоветами просматривают человека, ребёнка.

**ВСЕГДА БЫВАЕТ ИНТЕРЕСНО, КАК ЭТО ПИСАТЬ
ВТРОЕМ, ВЧЕТВЕРОМ?**

**В «ХРАНИ МЕНЯ, ЛЮБИМАЯ» ВАС БЫЛО
ЧЕТВЕРО, В «СИЛИКОНОВОЙ ДУРЕ» — ТРОЕ.**

РАССКАЖИТЕ О КУХНЕ ПРОЦЕССА.

Я для себя сформулировал так: в театре есть место личности, но далеко не всегда — индивидуальности. Театр — это жёсткая и регламентированная система. Солированию как таковому здесь не место. Работа в связке. Но я представить себе не мог, что возможен вариант, когда четверо одержимых театром людей (Кирилл Стрежнев, Лена Обыденнова, композитор Саша Пантыкин и ваш покорный слуга) месяцами спорят, кричат, нервно курят, распивают коньяк и валокордин, ходят по потолку, убеждают друг друга, фонтанируют идеями, плачут и смеются — и ВСЕ ВМЕСТЕ рожают спектакли!

Нет, за бумагой с ручкой сидел только я. А вот сюжетные повороты, ходы, судьбы мы придумывали скопом. И это потрясающе. Мы ещё все разного темперамента, наши творческие сборища — всегда этакое пиршество типажей. С нас самих можно камерный спектакль в эти моменты писать. Может, и напишу когда-нибудь.

Спектакль рождается в блаженных муках, терзаниях, сомнениях, озарениях... Зато он — не «пробирочный», а живой. Например, в «Дуре» у нас было где-то восемь вариантов финала. И мы медленно пришли к самому закономерному. Не могу представить себе подобное в другом театре, где режиссёр просто работает с готовой пьесой, данной ему. Подобный метод — это вообще ноу-хау Свердловской музыкальной комедии. И, как видим, он оказался весьма успешным.

Елена Якубовская

Р. S. 25 октября 2008 года в рамках международного конгресса «Музыкальный театр: оперетта и мюзикл сегодня» в Доме актёра состоялся вечер на двоих «АВТОРизация»: Александр Пантыкин и Константин Рубинский. Вечер был открытием и для самих авторов — Костя рассказал о Саше поэтическими средствами (сей стих мы и публикуем), Саша о Косте — музыкальными (сию партитуру мы не публикуем, ещё не время).

**Костя РУБИНСКИЙ —
Саше ПАНТЫКИНУ**

Пусть возмущённо зал зацыкает,
Я нагло сделаю признание:
Почти что всё в А. А. Пантыкине
Доступно мне для пониманья.

Его харизма стометровая,
Его талантище неистовый,
И Муза с веткою лавровой,
И критик с веткою тернистой.

Я понимаю легендарную
Его улыбку толстопузую.
И дух борьбы и андеграунда
В святой закалке «Урфин-джусовой».

Как шёл порой против течения,
Для поколений стал иконой,
И что его предназначение —
Дать разум дурам силиконовым,

О, мне понятны крики девушек:
«Пантыкин! Там! Скорее! Батюшки!»
Да, любят рокового дедушку
Не только роковые бабушки —

И я скажу, почти с обидой,
Но уважительно — не тыкая,
Что я мучительно завидую,
Почти как Моцарту — Пантыкину,

Одно лишь не пойму, дурак ещё,
Мне недоступна эта истина:
Как, объясните, у Сан Саныча
Косичка держится на лысине?!!!!!

*фото:
© П. Сулимова*

«И ЛЕТЯТ ЗА СТРАНИЦЕЙ СТРАНИЦЫ — НАШИХ ДНЕЙ ВЕРСТОВЫЕ СТОЛБЫ...»

(из истории отдела периодики)

«Откровенно говоря, несмотря на тот ужас, который вызывает у меня пресса, я был бы не прочь где-то раз в десять лет вставать из могилы, чтобы купить свежих газет». (Луи Бусуэль, испанский кинорежиссер)

Говорят, что традиционную периодику, бумажные газеты и журналы, скоро заменят электронные издания. Все крупнейшие газеты и журналы уже сейчас заводят своих двойников в Интернете. Готовятся к переменам? Наверно, уступают требованию времени и стараются удержать читателей.

Но пока есть любители утреннего кофе и свежей прессы, издателям не о чем беспокоиться. Ведь по информации из доклада о состоянии российского рынка периодической печати в 2007 году «Российский рынок печатных средств массовой информации продемонстрировал хорошую динамику развития и качественные изменения, свидетельствующие о дальнейшем превращении газетно-журнальной индустрии страны в эффективный бизнес...».

Газеты и журналы в библиотеке им. В. Г. Белинского были всегда. В мае 1899 года, когда состоялось торжественное открытие библиотеки, в ее фонде уже имелось более 1 000 номеров различных журналов. Елизаветой Михайловной Кремлевой, одной из ее учредительниц, а в будущем — директором, — были подарены 436 экземпляров. Почти 1 000 томов различных духовных журналов пожертвовал преосвященный Христофор, епископ Екатеринбургский и Ирбитский. Выписывались свежие газеты и журналы. Часть изданий редакции высылали бесплатно («Уральская жизнь», «Урал», «Уральское горное обозрение», «Волжский вестник»). Некоторые журналы читатели выписывали за свой счет. Так, подписку на «Горный журнал» подарил библиотеке П. Я. Андреев. Жители Екатеринбурга помогали библиотеке не только пожертвованиями, но и «безвозмездным интеллигентным трудом».

С каждым годом фонд периодики в библиотеке увеличивался. На приобретение журналов и газет тратились довольно крупные по тем временам суммы. Например, в 1903—1904 гг. на покупку книг затратили 303 руб. 33 коп., а на приобретение периодики — 625 руб. 20 коп. Газеты и журналы выдавались на дом.

Лафиса Михайловна
Макурина
и ее газетное царство

Интересно, что изменения в политической жизни страны всегда находили отражение в спросе на периодику. В периоды Русско-японской войны, Первой мировой войны и трех революций уменьшалась выдача журналов, но значительно возрастал интерес к газетам. Особенно широко использовались материалы из газет в годы Великой Отечественной войны. Ежедневно на специальных стендах вывешивались вырезки из газет, велись альбомы газетных вырезок, из газетных материалов делались книж-

ки-самоделки. «Громкие читки» газет проводили на абонементе, в госпиталях, в доме-интернате инвалидов войны.

В послевоенное время Белинка получала периодику централизованно по подписке. Значительно выросло количество комплектов журналов и газет, выписываемых библиотекой. Например, в 1946 году в библиотеку поступало 184 названия журналов и 150 — газет, а в 1954 году соответственно — 814 и 373.

1960-е — 1980-е годы. Периодика распределялась по всем структурным подразделениям библиотеки. Специализированные отделы (отдел общественно-политической литературы, технической и патентной литературы, естественно-научной, медицинской и сельскохозяйственной литературы, литературы и искусства, общий читальный зал, отдел краеведения и т. д.) имели каждый свой книжный фонд, а также фонд журналов и газет по тематике отдела. Журналы — за последние пять лет, газеты — за текущий год. Некоторые журналы повышенного спроса («Вопросы экономики», «Вопросы философии», «Государство и право») хранились в отделах на протяжении 15–20 лет. Остальная периодика собиралась и хранилась в отделе книгохранения.

На первом ярусе книгохранения в цокольном этаже сейчас уже Старой Белинки для читателей был открыт «Газетный зал». Здесь главным человеком была Лариса Михайловна Макурина. О газетах она знала все!

В 1977 году был создан отдел информации и пропаганды. В его ведение передали выставку новых поступлений и зал текущей периодики. Сюда приходили читатели библиотеки, чтобы познакомиться с книжными новинками и просмотреть свежие номера журналов. Отвечала за все это хозяйство Римма Борисовна Иванова. Она была в курсе всех литературных новинок, проводила обзоры литературно-художественных журналов. Некоторые читатели приходили специально, чтобы обсудить с ней последнюю публикацию в «Новом мире» или в «Иностранке».

В начале 90-х изменилась ситуация в стране и в библиотечном деле. Резко сократился выпуск печатной продукции в государственных

Римма Борисовна
Иванова

ХРОНИКА ОДНОГО ДНЯ

Понедельник. Утро. Новый рабочий день начинается, как обычно, со свежей прессы. Сегодня это два больших мешка (бывает три и четыре). Ольга Всеволодовна Цепкова приступает к сортировке новинок. Все новые поступления отмечаются в электронном каталоге — информация мгновенно становится доступна любому пользователю.

Катя Ковязина, самый молодой сотрудник отдела, выходит на кафедру — работать с читателями. Ровно в 9:00 появляются первые посетители. Обычно это два поджарых пенсионера — читают «Комсомольскую правду» и «Московский комсомолец», тихонько переговариваются, видимо, обмениваются впечатлениями о прочитанном. Следом заходит молодой парень, чем-то похожий на Диму Билана. Он каждый день просматривает свежий выпуск «Спорт-Экспресса».

издательствах. С подпиской на периодику дело обстояло особенно трудно. Сократилась экзemplярность журналов, журналы выходили сдвоенными и даже строенными. Цены менялись несколько раз за год. В журнальном фонде появились «белые пятна».

Несмотря на все трудности, в 1992 году в Белинке приступили к изменению структуры ряда отделов: объединили отдел технической литературы, отдел естественно-научной литературы, сектор сельскохозяйственной литературы и сектор специальных видов технической литературы. В конечном итоге выделили книжный фонд и фонд периодики.

ХРОНИКА ОДНОГО ДНЯ *продолжение*

По нашим наблюдениям, утром и вечером в зале больше мужчин. Читатели женского пола подходят ближе к полудню, переделав, очевидно, все домашние дела, а уходят пораньше – в 17:00, 17:30 – кормить семью ужином. А мужчины! Создается такое впечатление, что работай библиотека круглосуточно – некоторые здесь бы и ночевали.

Каждый месяц в отделе – новая выставка. Главная здесь – Тамара Михайловна Новопашина. Сегодня она как раз меняет экспозицию. Новая выставка называется «Мне послана судьбой моя семья» (2008-й год – Год Семьи).

*Тамара Вячеславовна
Бобошина*

Летом 1995 года «грянула революция». Возникла идея соединить ВСЕ периодические издания в одном отделе. И началось: людские конвейеры и журнальные потоки змеились с этажа на этаж, с яруса на ярус, иногда вырываясь на улицу, где уже урчали машины, вывозившие периодику в депозитарий. Одновременно шла расстановка фонда, оформление читального зала (открытый доступ, зоны отдыха). Возглавила отдел Тамара Вячеславовна Бобошина. Открытие отдела периодики состоялось 6 сентября 1995 года — это наш день рождения.

В начале 2003 года отдел ожидало еще одно испытание — переезд в новое здание библиотеки. Все сотрудники библиотеки опять передавали связанные в пачки газеты и журналы. Отдел возобновил свою работу на втором этаже Новой Белинки.

В мае 2003 года, после ухода Т. В. Бобошиной на заслуженный отдых, заведующей отделом стала молодая, энергичная Людмила Александровна Сажко.

В марте 2008 года Людмила Александровна была назначена на должность директора библиотеки Уральского государственного экономического университета, а на место заведующей пришла Ольга Леонидовна Позднякова.

Сейчас фонд отдела периодики насчитывает более 100 тысяч единиц хранения. Основу коллекции составляют центральные журналы за последние 10 лет и газеты за текущий год. Приоритет отдается научным и научно-производственным изданиям. В течение года

ХРОНИКА ОДНОГО ДНЯ *продолжение*

Рабочий день Елены Васильевны Ларионовой начинается с газет. Все свежие газеты нужно разобрать, подшить и разложить на открытом доступе на специальных газетных стойках. Самой Лене удастся лишь пробежать глазами заголовки на первых страницах.

Главный компьютерный гений отдела периодики – Наталья Александровна Завьялова. Она точно знает, чем отличается бит от байта, что такое сервер или браузер, и старательно обучает весь отдел. Но все равно частенько раздаются крики из-за монитора – «Наташа, помоги...».

Александра Владимировна Елисеева с утра погрузилась в недра Интернета. В ее ведении – мониторинг полнотекстовых ресурсов периодики. Результаты ее деятельности можно найти на сайте библиотеки <http://book.uraic.ru> в разделе «Виртуальная библиотека».

в библиотеку поступает более 10 тысяч экземпляров периодических изданий.

В отделе работает 9 человек. Сотрудники выполняют весь комплекс работ, связанных с периодическими изданиями: комплектование фонда журналов и газет для всех структурных подразделений библиотеки, ведение каталога периодики, создание и редактирование электронных базы данных.

В обязанности сотрудников входит мониторинг полнотекстовых ресурсов периодики в Интернете, обслуживание пользователей библиотеки и консультации (ежегодно — около 25 тысяч человек),

Отдел периодики образца 2008 года. Сидят (слева направо): Наталья Завьялова, Екатерина Ковязина, Ольга Позднякова. Стоят (слева направо): Нина Кукушкина, Ольга Цепковва, Галина Кунгурцева, Тамара Новопашина, Александра Елисеева, Елена Ларионова

выставочная и издательская деятельность. Для читателей отдела организован свободный доступ к поступлениям текущего года (около 400 названий журналов и 100 — газет).

К услугам посетителей — читальный зал на 50 мест, четыре компьютера с библиографическими базами. Читателям предоставляются следующие информационные продукты:

Электронный каталог журналов СОУНБ им. В. Г. Белинского;

Электронные полнотекстовые базы данных «East View», «Integrum», «Реферативные базы данных ВИНТИ», «УИС Россия» (доступ к этим базам возможен только с компьютеров библиотеки);

Путеводитель по открытому доступу и Каталог открытого доступа;

Газеты. Журналы (каталог подписки на текущий год);

Сводный каталог периодических изданий, выписываемых библиотеками г. Екатеринбурга;

Тематические каталоги журналов отдела периодики («Государство и право», «Экономика. Бизнес», «Философия. Психология. Религия» и др.);

Указатели содержания некоторых актуальных журналов;

«Сводный каталог периодических изданий, выписываемых библиотеками г. Екатеринбурга» (ведется с 1996 года, участники — крупнейшие библиотеки города, на сегодняшний день их 38).

Движение — наша форма существования. Мы открыты любым прогрессивным идеям и готовы каждую воплотить в жизнь.

Ольга Позднякова

ХРОНИКА ОДНОГО ДНЯ *окончание*

За выдачу журналов на абонемент сотрудникам библиотеки у нас отвечает Нина Львовна Кукушкина. Сейчас она строгим голосом разговаривает по телефону с очередным должником. Через пять минут журналы на месте. Вот что значит сила убеждения!

Новый сотрудник, Галина Андреевна Кунгурцева, знакомится с фондом, ходит по длинным пролетам между стеллажей и повторяет: «Как много, как много журналов, и какие все разные, как же все это запомнить...»

ПРАВДИВАЯ БИОГРАФИЯ «ТЕАТРАЛЬНОГО СЕЗОНА»

Журнал «Театральный сезон» был задуман Кириллом Козловым, актером, режиссером и заведующим художественно-постановочной частью Камерного театра в начале 2005 года.

К тому моменту в Екатеринбурге уже предпринимались попытки издавать журналы о культуре. Журналы «Пульс культуры» и «Арт-Виват», выходившие в конце девяностых, ставили перед собой серьезные задачи, впечатляли списком авторов, но просуществовали недолго, будучи малопригодными для серьезных инвесторов, предпочитавших вкладываться в нарождающийся «глянец». Существовал еще широко известный в узких кругах продвинутых Интернет-пользователей сайт theater.ur.ru, но и он к тому времени был сначала заморожен, потом взломан, да так и канул в пучинах Всемирной сети.

Кирилл Козлов как человек близкий к изящным искусствам, но далекий от издательских реалий, первым делом обратился за советом к авторитетам мира театрального — к своему мастеру и создателю Камерного театра Вячеславу Анисимову, к директору Театра музыкальной комедии Михаилу Сафронову, к Николаю Коляде. В возможность реализации проекта независимого театрального издания никто особо не поверил, под свое крыло взять особого желания не выказал, но и отговаривать никто не стал, напротив — пообещали моральную поддержку. А еще Коляда посоветовал Кириллу обратить внимание на Алексея Вдовина, в начале века проработавшего некоторое время в «Урале», немного драматурга, немного журналиста, имевшего мало-мальский практический опыт в издательской деятельности.

Алексей Вдовин, прозябавший в какой-то риэлтерской фирме, где пытался делать рекламную газетку о недвижимости, идею с готовностью подхватил. Придя к согласию в том, что театральному городу не хватает независимого театрального издания, создатели взялись за дело.

Основой журнала должен был стать полный репертуар всех профессиональных театров города. Обрамлять ежемесячную репертуарную сетку планировалось рецензиями на премьерные спектакли, интервью с театральными персонами, анонсами грядущих премьер. Собственно, на этой концепции ТС продержался с небольшими отклонениями два года.

В отличие от творческой составляющей, серьезной, продуманной маркетинговой стратегии у издания не было. Был прописан «бизнес-план» на 11 страницах А4, и директор-издатель (так теперь именовалась должность Кирилла Козлова) начал искать деньги, пока второй член команды, главный (и единственный) редактор Алексей Вдовин стал подбирать материал.

Материалы первого, «пилотного» номера были собраны «с бору по сосенке» — четыре рецензии (одна из них — перепечатка из «Театральной газеты», еще одна — материал, подготовленный пресс-службой Театра оперы и балета); обзор фестиваля «Реальный театр» и два неожиданно хороших интервью. С Владимиром Бабенко поговорила актриса «Коляда-Театра» Вера Цвиткис, а Вячеслава Анисимова проинтервьюиро-

Алексей Вдовин

Сергей Савелков

вала Тина Гарник. В скором времени Тина с легким сердцем оставит популярный в молодежных кругах андеграунд-журнал «Рубильник» и посвятит значительную часть своего времени театру, став постоянным автором, а иногда и корректором «Театрального сезона».

Своим первоначальным внешним видом журнал был обязан друзьям Кирилла из «Медиа-Пилота», творческой группе «Матэ» и студии Go. Приложил руку к концепции дизайна и главный редактор ТС, взявший на себя заодно функции верстальщика.

Логотип издания, знаменитое дерево с загадочным дуплом и чахлой веточкой, нарисовал актер Александр Волхонский. «А в дупле сидит злобный театральный критик!» — эта фраза в последующее время была произнесена множество раз, отсекая лишние вопросы.

Премьеру нового издания задумали провести с приличествующей случаю помпой в Камерном театре. В фойе подали шампанское с бутербродами, съехались авторы, друзья, знакомые, среди приглашенных были и мэтры театральной критики Екатеринбурга, пока выжидательно поглядывавшие на Кирилла с Алексеем. Вот только тираж номера на премьеру не приехал. «С театральной сцены нам быстренько сообщили о рождении журнала “Театральный сезон”. И показали его фотки! Похожие на УЗИ. И бодро попросили на выход», — вспоминал год спустя писатель Александр Папченко.

Номер поступил в продажу через неделю, продавался плохо, но стал на короткое время сенсацией местного масштаба и встретил доброжелательный отклик в театральной и журналистской среде.

Второй номер делается с размахом. На последней странице даже публикуется краткое шпотагу и короткий текст на английском с пафосным заголовком «Екатеринбург — театральная столица новой России» (пару десятков номеров «Творческая мастерская Бураковой» увезла во Францию на театральную выставку).

Журнал становится площадкой для известных авторов «среднего» поколения, которых не особо привлекают «официальные» издания: в ТС возобновляет свою практику театрального критика Евгений Иванов (один из столпов молодой и модной культурной журналистики 90-х), в новом качестве выступает поэтесса Юлия Золоткова, подтягиваются выпускники Школы театральной критики «первого созыва» — Елена Кривоногова, Евгения Панасова. Особо надо отметить тонкие и остроумные статьи писателя Андрея Ильенкова. Журнал поддерживает своими работами ведущий театральный фотограф города Виталий Пустовалов, подбавляет праздничных красок художник Алексей Рыжков.

Со дня презентации к директору-издателю и главному редактору присоединяется третий член команды — Сергей Савелков, взявший на себя неблагодарный труд по поиску рекламодателей и организации продаж. Неблагодарный, потому что обычно все заслуги традиционно приписывал себе редактор, а во всех провалах виновным назначался менеджмент.

К весне 2006 года стабилизируется продажа в рознице (сильно помогает с распространением Музкомедия). К этому времени отно-

сится сыгравшее важную роль знакомство ТС с новым Председателем Свердловского отделения СТА Владимиром Мишариным.

Владимир Мишарин, в конце 2005 года для многих неожиданно избранный председателем Свердловского отделения Союза театральных деятелей, вернулся в Екатеринбург из Москвы и, по его словам, был поражен тому, как изменился город, и сколько новых людей появилось на местном театральном горизонте. Молодой (по меркам СТА) председатель и молодой (по всем остальным меркам) журнал быстро находят общий язык, на развороте мартовского номера Владимир Мишарин поздравляет читателей с Днем театра, а журнал получает постоянную прописку в Доме актера (вместе с рабочим местом, компьютером, выходом в Интернет и, самое главное, — прямым доступом к информационным потокам). Кроме того, СТА помогает продвижению журнала в самой широкой среде, включая очередные номера в свои многочисленные рассылки. Творческий отдел помогает редактору получить губернаторскую стипендию, ТС на правах официального партнера допускается ко всем официальным мероприятиям Дома и имеет полную возможность чувствовать себя полноправным участником театрального процесса.

К очередному фестивалю «Браво!» ТС набирается наглости настолько, что придумывает и учреждает специальный Приз театральной прессы Екатеринбурга (вторым учредителем согласился стать Николай Коляда со своей «Театральной газетой»). Приз представляет собой тяжелую литую фигуру с дыркой (чтобы вешать на стену) в которой объединяются логотипы двух изданий — театральный номерок и дерево. Первым его обладателем стала Наталья Гаранина, актриса двух театров (Коляды и Кукол), блиставшая в обоих.

Привыкшие сохранять хорошую мину Кирилл, Сергей и Алексей по-прежнему не подают вида, что журнал делается полукустарно, почти в домашних условиях, «на коленке», редакцию периодически сотрясают мелкие творческо-организационные раздоры и междуусобицы, а гонорары авторам наскребаются буквально по сусекам. Но журнал продолжает выходить, в нем начинают появляться материалы «взаправдашних» критиков — Ларисы Барыкиной, Наталии Курюмовой, Аллы Лапиной. В театрах тоже обращают внимание на публикации, номеров ждут, статьи обсуждают, хотя и потешаются над забавными опечатками, которые сопровождают ТС, кажется, всю историю его существования.

Осенью Владимир Мишарин приглашает Алексея Вдовина на постоянную работу в СТА — сначала в качестве пресс-атташе, а потом руководителем информационно-издательского отдела и издателем журнала-вестника «8 Марта,8» (но это уже другая история). Вместе с Тиной Гарник редактор ТС предпринимает попытку перенести бумажный журнал в формат Интернет-блога — в начале 2007 года на ресурсе LiveJournal создается одноименное сообщество. Попытка оказывается успешной — ЖЖ-сообщество «Театральный сезон» благополучно существует и поныне, прирастая читателями и участниками.

В отработанном и привычном формате журнал существует еще год практически не меняя концепции и формата: интервью со знако-

**ЖЖ-сообщество
«Театральный сезон»**

[http://community.
livejournal.com/theatre_
season\)](http://community.livejournal.com/theatre_season)

Алексей Еньшин

вой персоной, плюс несколько рецензий на премьерные спектакли, материалы «вокруг и около» театра и неизменная репертуарная сетка на текущий месяц. В конце лета ТС выходит на рекордных 56 страницах — кажется, все только начинается.

Но двухлетие журнала проходит незаметно для широкой общественности, а внутри редакции ощутимо копится усталость. Новогодние праздники ненадолго объединяют за одним столом в Доме актера издателя, редактора и коммерческого директора. Лейтмотив разговоров — смутные перспективы журнала, так и не приобретшие определенности за два с лишним года существования, несмотря на то, что поддержки, в том числе и финансовой — от Министерства культуры, от Администрации города — прибавилось. Проходит еще месяц — и Алексей Вдовин принимает решение оставить журнал, сосредоточившись на работе в Союзе театральных деятелей. Он передает свои бразды Алексею Еньшину, журналисту и драматургу, ученику Николая Коляды, который принес в журнал новую энергию и свежий взгляд. Накануне трехлетия ТС решается на частичный ребрендинг, подкорректировав дизайн и логотип, уточнив и дополнив концепцию.

Но это, к счастью, совсем другая история. Изменившееся время заставляет искать новые методы и новый стиль. А сбросив старую кожу и оживив дыхание, можно подумать о том, как и куда двигаться дальше. Прожив первые — самые трудные — годы своего существования, «Театральный сезон» перестал быть «проектом». Теперь это полноценное театральное издание, без которого, хочется верить, уже немыслим театральный Екатеринбург.

Алексей Вдовин

ждет своих читателей и почитателей!

*Журнал продается в сети магазинов: «100 000 книг», Дом Книги,
«Свежая пресса», «Млечный путь»;
киоске Дома актера и кассах екатеринбургских театров.*

*По вопросам подписки и приобретения обращаться к Сергею Савелкову —
8 912 62 65 863, teatralny-sezon@mail.ru*

ВОЗВРАЩЕНИЕ «ПРИНЦЕССЫ ТУРАНДОТ»

«Нуждается ли эта книга в предисловии?»

На последующих страницах читатель найдет описание работы Е. Б. Вахтангова и его Студии над “Принцессой Турандот”, найдет оценку спектакля с разных углов зрения.

Что нам прибавить к этому?

Эта книга – книга Студии.

Она будет близка всем, кому близок спектакль “Турандот”. Правда, она хуже спектакля. Серое чучело вместо живой птицы, – она уже не сможет петь и качаться на обруче, она только тем и хороша, что заведена надолго, и своей мертвой жизнью переживет спектакль, которому посвящена.

Евгений Богратионович умер. Книга, вместо того чтобы знаменовать один из перекрестков пройденного им пути, стала камнем у его конца. Вообще книга гораздо печальнее, чем этого может хотеться читателю.

Так случилось, что «Принцесса Турандот» завершает творчество Вахтангова. Поэтому хочется иметь право назвать ее венцом этого творчества...

... Через головы сегодняшних читателей, через их внимание, завоеванное уже на спектакле, книга обращается к тому, в чьи руки она попадет через 5, 10, 50 лет. К тому, кто из всей жизни, окружавшей ее и давшей ей право на существование, – увидит только ее мертвый текст.

Пусть же этот будущий и загадочный для нас читатель заразится нашим сегодняшним волнением. В противном случае ему незачем ее читать».

Принцесса Турандот :

театрально-трагическая
китайская сказка в 5 актах (в
постановке Третьей Студии
Московского Художествен-
ного Академического Театра
имени Евг. Вахтангова) /
пер. с итал. М. А. Осоргина ;
обл., виньетки, эскизы декора-
ций Игн. Нивинский. — М.-Пг.
: Гос. изд-во, 1923. — 223 стр. +
(27) вклад. лист. красочных ил.
и портр.; (34х25) см 3000 экз.

История постановки

Н. Бромлей — Турандот
Вахтангова

П. Марков — Принцесса
Турандот и современный
театр

Федор Степун — Принцесса
Турандот

Мих. Осоргин — Гоцци
и Вахтангов

Карло Гоцци — Принцесса
Турандот

Музыка
к Принцессе Турандот

Таким посланием открывается книга «Принцесса Турандот». Сама книга — это прорыв в книгоиздании 1920-х годов XX века, когда в общем потоке массовой марксистской книги, новых учебников, советских научных изданий, нашлось место и для изданий по искусству (в 1923 г. общее количество издаваемой литературы было 29,4 млн экз., издания по искусству составляли 0,2 млн).

При ценах на издания от 5 коп до 2 руб., книга «Принцесса Турандот» стоила 20 рублей (данные: Каталог книг по литературе и искусству / Государственное издательство, торговый сектор. — М. : [Гос. изд-во], 1924. — С. 16)

Такой тип изданий, когда под одной обложкой собираются текст пьесы, очерк об истории постановки, рецензии, слово от переводчика, ноты, иллюстрации, выполненные в технике меццо-тинто (декорации и эскизы костюмов), фотографии, появляется крайне редко.

В этом году исполнилось 85 лет с момента выхода книги и нам захотелось проследить судьбу издания. Посмотреть и проанализировать то, как современники реагировали на появление книги.

В журнале «Печать и революция» литературный критик М. Эйхенгольц публикует отзыв о книге КАРЛО ГОЦЦИ Сказки для театра / пер. Я. и Р. Блох, М. Лозинского, М. А. Осоргине ; вступ. ст. и примечания Я. Н. Блоха. — М : ГИЗ, 1923. — Т. I 291 с. Т. II 295 с..

М. Эйхенгольц, представляя книгу читателю и описывая некоторые тонкости перевода, на 263 странице бросает такую фразу:

Вступительная статья Я. Блоха, как уже указывалось, отличается обстоятельностью. Но Я. Блох, к сожалению, мало внимания уделяет анализу самих театральных сказок Гоцци, давая много материала о Гоцци и всем, с ним связанным, в целом. Между тем хотелось бы, чтобы в аналогичных работах исходили из пьесы, поставленной на сцене, чтобы читатель, знакомящийся с театральными сказками Гоцци, мог воспринять их и зрительно.

Поэтому следовало бы дать возможный материал, касающийся не только литературного момента представления, но и декорационно-конструктивного, т. е. декораций, костюмов, сценической площадки, затем — игры актеров, музыки, зрители, и т. п. В своих предисловиях к пьесам Гоцци, близкий театру, говорит о сценическом воплощении. Материал для реконструкции их и должен быть дан. С этой точки зрения в статье Я. Блоха многого не хватает, а многое, хотя и ценное, становится в данной книге балластом.

Печать и революция : журнал литературы, искусства, критики и библиографии. 1923. Кн. 7.

Хочется воскликнуть: так вот же она, эта книга, в которой есть все, о чем вы говорите. Что вам так хочется увидеть на страницах «Сказок для театра» есть в «Принцессе Турандот». Что это? Незнание, завуалированный способ намекнуть на «Принцессу Турандот»?

Обе книги вышли в один год, переводы явно готовились в одной редакции. Какая из двух интересующих нас книг вышла раньше, выяснить невозможно, т. к. ни на обороте титульных листов, ни в других местах нет ни даты подписи к печати, ни даты выхода в свет. Можно лишь предполагать по имеющимся номерам Главлита: «Сказки для театра.....» — № 2857 и «Принцесса Турандот...» — № 8258, а также «Сказки для театра...» зафиксированы в Книжной летописи за 1923 г. : Том 1. : № 11 (июнь). С. 613 ; Том 2. : № 13 (июль). С. 10. «Принцесса Турандот...» — за 1924 г. : № 7 (апр.) С. 528. В записи указаны в квадратных скобках два года издания [1923] и [1924].

М. Эйхенгольц — далеко не случайный человек в издательском деле. Или он не знал всю историю издания или не мог сказать напрямую то, что хотел.

Может быть роковую роль в истории книги сыграла фигура Федора Степуна, в книге представлен его отклик. Судьба самого Федора Степуна трагична. Он был выслан на философском пароходе в августе 1922 года. На том же пароходе был выслан и Михаил Осоргин, переводчик пьесы, но он был более лоялен к Советской власти, до середины 30-х годов получал деньги за перевод пьесы

Появляется маленькая заметка в хроникальном разделе еженедельника «Зрелища». Если издание появилось в самом конце 1923 года, а в январе 1924 года умер Ленин, то печатные издания сходили с ума и захлебывались слезами от утраты вождя революции. Для рецензии на это издание просто было не то время.

В 30-годы книгу упоминали:

в пристатейном списке литературы к статье: Дживилегов А. Гоцци / А. Дживилегов // Литературная энциклопедия / Коммунистическая Академия, Секция литературы, искусства и языка. — [М.] : Изд-во коммунистической академии, 1929. — Т. 2. — С. 686–687. после описания данного издания следует примечание (роскошное издание с многочисленными иллюстрациями);

в пристатейном списке литературы к статье: Мокульский С. Гоцци / С. Мокульский // Большая советская энциклопедия / главный редактор О.Ю. Шмидт. — М. : Сов. энциклопедия, 1930. — Т. 18. — С. 573–575. с примечанием (роскошное издание);

в библиографическом списке в книге: Захава Б. Вахтангов и его студия / Борис Захава. — 2 изд., испр. и доп. — [М.] : Театралинепечать, 1930. — С. 188 (в первом издании библиографическое приложение отсутствует).

*Госиздат выпускает книгу:
«Принцесса Турандот».
В нее войдут: — статьи
о спектакле (Осоргина,
Степуна, Маркова,
Бромлей), история постановки (составлена
III Студией), текст пьесы
в переводе М. А. Осоргина,
музыка, фотографии
с постановки, персонажей
и декораций, красочные
репродукции эскизов
декораций и костюмов.*

*Раздел «Хроника» //
Зрелища : еженедельник.
1923. № 34. С. 20.*

После 1930-х до 2000 года — информационное молчание, новых сведений о нашей книге нет, мы не нашли ни одного упоминания.

Родионова Н. Турандот : трагическая судьба создателей
(о мистической связи постановки пьесы «Принцесса
Турандот» с жизнью Дж. Пуччини и Евг. Вахтангова) // **Встреча. 2000. № 7.**

Книга «Принцесса Турандот» в XXI веке

В журнале «Встреча» опубликована статья Натальи Родионовой, она пишет:

«В памятной книге Студии на странице 25 есть фотография репетирующего импровизированного оркестра. Музыкальные инструменты – самые неожиданные, но... Евгений Багратионович (Багратионович – прим. ред.) мечтал, чтобы простенькая музыка для спектакля была написана серьезными, образованными музыкантами, знакомыми со всеми требованиями современной музыкальной культуры. Во время репетиций звучали польки, вальсы, галочки, исполнявшиеся на рояле кем-либо из студий. Когда появились инструменты необычного оркестра, те же примитивные. Мелодии стали исполнять и на гребешках с папиросной бумагой».

В памятной книге, но какой? Нет ни одной ссылки. Но при этом в самой статье в качестве иллюстрации приводится обложка книги. Но это совсем другая книга. Это только ноты, выход которых анонсировался в хроникальном разделе еженедельника «Зрелища».

Неискушенный читатель вряд ли поймет, о какой собственно говоря книге идет речь.

В начале октября выходит из печати музыка к постановке III-ей студии МХАТ «Принцесса Турандот»: Марш, Вальс, Песенка и Полька в переложении для фортепиано и пения. Авторы музыки Н. И. Сизов и А. Д. Козловский

Раздел «Хроника» // Зрелища : еженедельник. 1922. № 6. С. 24.

2001 год

Российская национальная и Британская библиотеки проводят семинар и представляют работу Хеллиера П. Книги, связанные с русским авангардом в изобразительном искусстве, театре и кино 1910—1934. В каталог «Русский авангард» вошли книги, «в которых рассматриваются авангардные движения в русском авангарде и их влияние на живопись, архитектуру и театральный дизайн — среди них каталоги выставок, монографии об отдельных художниках или театральных постановках, манифесты».

В одном из разделов представлены издания, связанные с русским театром этого периода, тексты известных пьес, книги о театральных постановках с иллюстрациями декораций и костюмов, а также теоретические работы режиссеров-экспериментаторов.

Здесь наконец-то появляется наша героиня. Представлена ее обложка и сказано (цитата): «Одна из самых интересных книг об отдельных постановках — издание о постановке Вахтангова “Принцесса Турандот”».

2004 год

Театральный музей им. А. А. Бахрушина к своему юбилею издает альбом-каталог «110 шедевров Бахрушинского музея».

В это издание вошла и наша книга. Составители включили в каталог «личный экземпляр актера театра им. Евг. Вахтангова Н. Н. Мозяйкина, который он начал “оформлять” к 1000-му представлению знаменитого спектакля 12 февраля 1940 года и продолжал до конца 1950-х годов. Книга изобилует автографами и рисунками участников спектакля в разные годы: Р. Н. Симонова, Ц. А. Мансуровой, Б. В. Щепкина, Н. О. Гриценко, Б. Е. Захавы, Д. Н. Журавлева и др.».

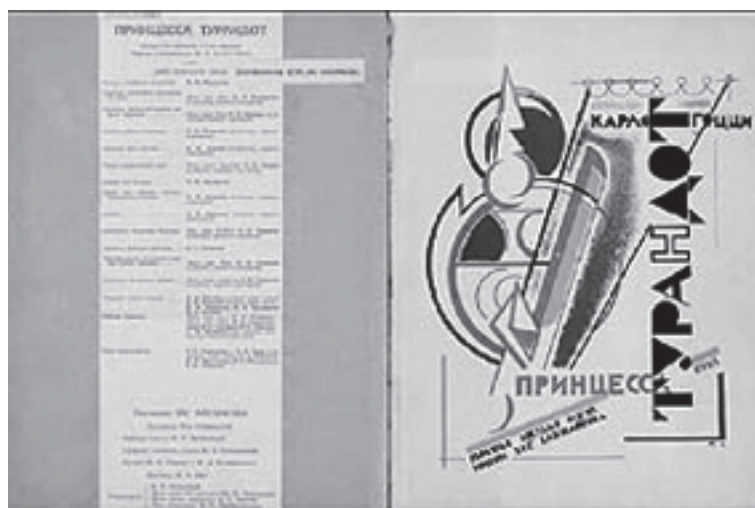
http://www.nlr.ru:8101/tus/031201/hellyer_r3.htm

Диалог национальных библиотек: Россия – Великобритания
Второй двусторонний семинар,
3–4 декабря 2001
Британская библиотека,
Сан-Панкрас,
Конференц-центр

<http://www.gctm.ru/collection/library/photo19.html>

Театральный музей
им. А. А. Бахрушина

110 шедевров
Бахрушинского музея :
альбом-каталог. — М.,
2004. — 224 с., 198 цв. ил.

Личный экземпляр
Н. Н. Мозяйкина

Личный экземпляр
Н. Н. Мозайкина

[http://www.ng.ru/
antiquare/2006-11-10/
23_turandot.html](http://www.ng.ru/antiquare/2006-11-10/23_turandot.html)

Соболев А. Без Пушкина,
но с Турандот
// Независимая газета.
2006. 10 нояб.

2006 год

В «Независимой газете» Александр Соболев упоминает нашу героиню в связи с русскими книжными торгами аукционного дома Сотбис. На мой взгляд, книге опять не очень повезло в оценке: «Более того, в список авангардных изданий с горделивой оценкой 1,5–2,5 тыс. фунтов попала легендарная “Принцесса Турандот” 1923 года, оформленная Игнатием Нибинским и знаменитая двумя обстоятельствами: а) она присутствует всегда в ассортименте любого антикварного магазина, б) никогда не стоит дороже 200 долл.».

Замечу, что я специально провела маленькое исследование и по пункту а) не согласна с г-ном Соболевым. Эта книга очень редко присутствует в ассортименте ЛЮБОГО антикварного магазина. И чем сохраннее экземпляр, тем стоимость его выше.

Может быть, аукционный дом Сотбис больше прав в своих оценках? Впрочем, мы ушли в область финансов, а нас больше интересует нематериальная сторона вопроса.

Книга «Принцесса Турандот» очень редкая по форме и содержанию. Такие издания (когда собираются все составляющие постановки) в истории XX века можно пересчитать по пальцам одной руки. Позволим рассказать о некоторых:

Эфрос Н. «Сверчок на печи» : инсценированный рассказ Ч. Диккенса : Студия Московского Художественного Театра / Николай Эфрос ; [худож. и лит. редакция книги А. М. Бродского ; обложка и вся орнаментовка книги работы художника М. В. Либакова ; снимки и фотографии работы фотографов «Elisabeth» и г. Баракчиева (Москва)]. – Петербург: Изд. Л. Э. Когана, 1918. – 86, [2] с. : ил.

В книге подробно изложена сценическая история инсценировки (по-современному «инсценизации»), а также история возникновения и спектаклей Студии до «Сверчка», затем о деятельности Л. А. Суллержицкого и Б. М. Сушкевича (он инициатор, инсценировщик и режиссер), далее подробно об актерских работах в спектакле. В конце помещен текст инсценировки. Даны в перечислении действующие лица и первый состав исполнителей, приведены сведения о художнике (красочные эскизы декораций I-го и II-го акта и эскизы костюмов к «Сверчку на печи», работы художника студии М. В. Либакова). Помимо огромного количества черно-белых фотографий исполнителей и сцен из спектакля есть цветные эскизы декораций и костюмов действующих лиц. Формат издания А3, бумага плохая, оформление замечательное.

Есть издания, которые не совпадают с типом издания «Принцессы» и «Сверчка» как истории постановки спектакля в определенном театре, зато может послужить еще одним вариантом. Дореволюционные издания под редакцией Ю. Э. Озаровского.

Пьесы художественного репертуара и постановка их на сцене. Вып. 1. «Недоросль», комедия в 5 действиях, соч. Фонвизина : (пособие для режиссеров, театр. дирекций, драматических артистов, драматических школ, любителей драматического искусства) / под ред. Ю. Э. Озаровского. – СПб. : Изд. Д. М. Мусиной, 1901. – 324, VI с. : ил.

Пьесы художественного репертуара и постановка их на сцене. Вып. 2. «Горе от ума», комедия в 4 действиях, соч. А. С. Грибоедова : (пособие для режиссеров, театр. дирекций, драматических артистов, драматических школ, любителей драматического искусства) / под ред. Ю. Э. Озаровского. – СПб. : Изд. Д. М. Мусиной, 1905. – 339 с. : ил.

Во вступительной статье редактор пишет о необходимости помогать режиссеру в постановках пьес, о стремлении к бытовой достоверности, сложности поисков материалов. Структурно издание состоит из следующих отделов: 1 – текст пьесы; 2 – литературно-исторический (личная и творческая биография автора; сценическая история пьесы; эпоха изображенная в пьесе; библиография пьесы); 3 – художественно-режиссерский (материалы для характеристики действующих лиц, мотивы грима и причесок, мотивы костюма, мотивы мебели и обстановки, мотивы декораций, примерные мизансцены). Так как эти издания структурно одинаковы, то говорю как об одном. Очень много иллюстративного материала, это касается как биографии драматурга, так и сценической истории пьес, подробнейшие материалы к гриму, костюму, бутафории. Большой формат издания, хорошего качества бумага, замечательное оформление.

«Горе от ума» на сцене Московского Художественного Театра : опыт четырех редакций 1906, 1914, 1925, 1938 гг. / Научно-исследовательская комиссия по изучению и изданию наследия К. С. Станиславского и Вл. И. Немировича-Данченко при МХАТ СССР имени М. Горького ; составление, подготовка неопубликованных текстов, вступительная статья и комментарии Л. М. Фрейджиной ; ред. Ю. С. Калашиников. – Москва: Всероссийское театральное общество, 1979. – 605, [2] с. : ил.

Кумулятивный свод обо всех редакциях постановки. В книгу входит большое исследование Л. Фрейджиной о редакциях постановок; статья Вл. И. Немировича-Данченко «Горе от ума» в постановке Московского Художественного театра»; впервые публикуется рукопись режиссерской партитуры «Горя от ума», кстати, во вступительной статье сказано о подлиннике партитуры «подлинник режиссерской партитуры (в Художественном театре ее тогда называли “Мизансценой”) – большого формата рукописные страницы, чередующиеся со страницами печатного текста “Горя от ума”, изданного в 1905 году Ю. Э. Озаровским», комментарии к тексту; стенографические записи репетиций 1937–1938 гг. Много рисунков, фотографий, во вкладке цветные эскизы декораций и костюмов. Текста пьесы нет, есть режиссерская партитура. Издание чуть больше обычного книжного формата.

Заканчивая наше повествование сейчас, хочется верить, что через 85 лет исследователи наконец-то заинтересуются книгой «Принцессой Турандот» — графическими ли заставками Игн. Нивинского, переводом Мих. Осоргина и многими другими подробностями. Она не хуже, чем спектакль. Она «не чучело», но эффектная дама со своей драматической историей.

Галина Чицова (Москва)
Елена Якубовская (Екатеринбург)

КОНФЕКТНЫЙ БИЛЕТЕЦ: ОТ КОЛЛЕКЦИИ К ВЫСТАВКЕ

Нечасто в Белинке бывают выставки, вызывающие такой интерес, как эта – «ПУШКИН – К ВОДКЕ, ГОГОЛЬ – НА СЛАДКОЕ». Причем интерес у разной публики, вплоть до самой искушенной. Выставка закрылась, а вот разговор о ней хочется продолжить. Сегодня мы предоставляем наши страницы человеку, сотрудничество с которым принесло столько радости нам и нашим читателям – Алле Кузнецовой, директору Музея этикетки «Авантаж-1». Надеемся, это не последняя наша встреча с Аллой Геннадьевной и ее замечательным музеем.

Небольшая конфетная бумажка, «фантик» или, как называли еще в XIX столетии, — «конфетный билетец» — это тоже скромный участник большой человеческой Истории. Маленький хранитель аромата своей эпохи может поведать многое. В названии конфеты, рисунке ее обертки, в стихках и загадках — как в зеркале отражается очарование времени, его герои. Среди этих героев знакомые и любимые нами персонажи сказок, герои мировой и русской классической литературы. На фантиках можно найти Тараса Бульбу и Хаджи-Мурата, обнаружить и самих авторов (Н. В. Гоголя, Л. Н. Толстого). «Конфетный билетец», отслужив свой век, стал оригинальным свидетельством, документом истории и, наконец, попал в музейные фонды.

Первые «фантики», кондитерский «этикет», появились во второй половине XIX столетия с изобретением хромолитографии. Этот вид цветной печати позволил выпускать этикет (как и другие виды печатной рекламы) массовыми тиражами.

Если задаться задачей и перечислить названия из прейскурантов кондитерских фабрик (как впрочем, и парфюмерных, и табачных), то в них можно увидеть отражение того, что когда-то играло значительную роль в быту, создавало моду, привлекало внимание публики.

Конфетная обертка рубежа XIX—XX веков была подобна маленькой афише. Названия наиболее популярных опер, балетов и драм переносились на названия кондитерских изделий: выпускалась карамель «Кармен», конфеты «Орфей», «Фигаро», «Аида», «Дон-Кихот», вафли и конфеты «Трильби», «Отелло» и др.

Успех пьесы Леонида Андреева «Дни нашей жизни» заставил кондитерскую фабрику Эйнем выпустить новый сорт мармелада с таким же названием. Успех «Синей Птицы» в Художественном театре способствовал популярности карамели «Синяя Птица». На сцене поставили шумевшую пьесу Ростана «Шантеклер», и появилась карамель с таким же названием.

См. Отцовый Прейс-Курант «Товарищества Абрикосова и сыновья» (М., 1908).

Конкуренция в «конфетной» отрасли была серьезной, и производители использовали разнообразные приемы для привлечения внимания покупателей к своей продукции. Если возможно провести параллели с современным миром рекламы, то обращение к литературе, как отечественной, так и мировой, заимствование литературных образов на рубеже XIX—XX веков было подобно современной тенденции привлечения звезд кино, шоу-бизнеса для продвижения бренда, способствуя его массовой популярности и узнаваемости. И это безусловное свидетельство той роли, которую играла литература в обществе.

Не забывали кондитеры и великих русских поэтов и писателей — Пушкина, Гоголя, Лермонтова. Празднование 100-летнего юбилея со дня рождения А. С. Пушкина в 1899 году было столь широким и массовым, что охватило и самые различные отрасли производства. Великому поэту «посвящались» алкогольные напитки и кондитерские изделия. Сцены дуэли украшали табачные изделия, пробка для

водки в виде головы Александра Сергеевича венчала водку «Пушкин», было выпущено огромное количество шоколада и карамели, посвященных его сказкам.

Предприниматели XIX столетия были не чужды просветительских устремлений. Особенно когда это совпадало с коммерческим интересом. Многие крупные фабрики, следуя принципу «развлекая — просвещая», выпускали серии «Русские писатели», «Артисты», «Цифры», «Былины», «Географические», «Русская азбука». По фантикам можно было изучить азбуку и цифры, узнать о разных странах. Что было крайне важно для дореволюционной России, большинство населения которой было неграмотным.

Широчайший ассортимент кондитерских изделий получил названия в честь любимых сказок того времени: «Золушка», «Конек-Горбунок», «Сказка о Царевне Лягушке», «Сказка о Царе Салтане», «Иван Царевич», «Садко», «Гензель и Гретель», «Робинзон Крузо». Карамель «Лилипуты» свидетельствовала о популярности книги Джонатана Свифта «Путешествия Гулливера» не только в Европе и Америке (где тоже выпускались кондитерские изделия, посвященные Гулливеру), но и в России.

В упаковки конфет, карамели, печенья вкладывали и изданные к юбилею миниатюрные издания поэм и сказок Пушкина. На кондитерской фабрике С. И. Афонина в Екатеринбурге выпустили серию конфет со стихами А. С. Пушкина. Фантики шоколадных конфет украшали персонажи и отрывки стихов из «Руслана и Людмилы». Шоколад «Сказки Пушкина» с цитатами выпускались многими фабриками.

Другим «цитируемым» российским автором был И. А. Крылов. Отметим, что и Пушкин, и Крылов оставались одними из популярных писателей у кондитеров и в советское время.

Целый пласт городской культуры, модные увлечения нового XX века также запечатлели разнообразные сладости. Популярными были серии «Загадки», «Ребусы»,

«Пословицы». Серии карамели «Гороскопы», «Зодиак». Но особым спросом пользовались конфеты «Гадательные». Такие конфеты с предсказаниями выпускались по всей России. Советы и предсказания в этих «гаданиях» часто содержали цитаты из Библии или изречения писателей (Данте, Пушкина, Грибоедова).

Встречались в этой серии и полезные нравоучительные «советы». Так, на фантике карамели «Гадательной», представленной на выставке, можно было прочитать следующий совет:

«Не упивайтесь вином, говорит св. Писание, умеряй себя и оставь употребление напитков, излишнее все вредит тебе».

Необходимо отметить, что среди массового потока товаров выпускалась продукция в достойном графическом оформлении. Фантик «Царь Гвидон» из серии «Сказочные цари», исполненный в русском стиле, стал одним из украшений выставки в библиотеке.

Многие образцы рекламы (в частности, обертки для конфет) того времени создавались по традициям русского печатного лубка и сохраняли

Этикетка стала самым распространенным видом печатной графики в XX столетии. Разнообразие и интересная графика этикеток послужили причиной их коллекционирования. Этикетки для алкогольных и безалкогольных напитков, пива, табачных изделий, спичек, парфюмерии и косметики, аптечных и многих других товаров давно стали предметом собирательства. Усилия коллекционеров позволили сохранить часть этикеток, которые обычно выбрасывались или уничтожались, иногда как мусор, а иногда, например, во времена политических катаклизмов, как «антиправительственное», «вредное» средство массовой информации. Но этот «мусор», отслужив свой век, стал оригинальным свидетельством, документом истории и, наконец, попал в музейные фонды.

Собраний рекламной графики, этикеток в отечественных музеях не так много. Среди них стоит упомянуть Музей тары и упаковки при Политехническом музее (Москва), Музей хлеба (Санкт-Петербург), Музей истории города (Санкт-Петербург), собрание Российской Национальной библиотеки, музеи кондитерских фабрик. В Урало-Сибирском регионе — это коллекции Музея этикетки полиграфической компании «Авантаж-1».

Коллекция музея этикетки «Авантаж-1», посвященная литературным героям, собиралась более 8 лет. Здесь «этикет» из коллекций, начало которым положено еще в девятнадцатом веке, и экспонаты из частных коллекций, переданных нашему музею уральскими коллекционерами (отдельное спасибо Надежде Ярославне Фоминых). Некоторые находки можно считать совершенно случайными и удивительными. Так, фантик конфеты «Отелло» был найден дизайнером Натальей Ельшиной в Первоуральске на крышке сундука, в котором хранили овощи.

МУЗЕЙ ЭТИКЕТКИ

(постоянная экспозиция)

**620137, Екатеринбург,
ул. Шефская, 2-г-4
в полиграфической
компании Авантаж-1**

**Тел. 349 15 81
8 91224 51679**

**Алла Геннадьевна
Кузнецова,
директор музея**

его стилистику. «Народная», «деревенская» тематика в «конфетных» обертках отразила фольклор: в загадках, песнях, частушках, пословицах. Например, на обертке карамели «Саратовской» можно прочесть такую частушку: «Деревенски девки модны — батюшки, по три дня сидят голодны — матушки», — которая служит милым свидетельством моды начала XX века на стройные женские фигуры. Загадку на фантике карамели из серии «Детская» непросто отгадать современным детям: «Кто родился и никогда не умирал?» (Род человеческий).

В целом, появление в рекламной графике в XIX веке (как и в дальнейшем) отрывков литературных произведений, самых разных литературных текстов, «отклик на злобу дня» — это черта, свойственная именно отечественной рекламной культуре.

В первые годы Советской власти уничтожались все приметы старого времени. Исчезли упаковки, посвященные 300-летию Дома Романовых, конфеты «Царская», «Русские цари», «Императрица» и т. п. Появились новые герои и новые названия самых разных товаров: «Чапаев», «Пионер», «Октябренок», «Советская», «Красная», «СССР». Среди них литературные герои новой эпохи: Данко, Буревестник, Мальчиш-Кибальчиш. Но в процентном соотношении они занимали весьма незначительную долю рядом с героями «былых времен», героями литературы, ставшей классической.

В 1920—1930-е годы продолжали выпускать кондитерские и парфюмерные изделия, табак и чай в упаковках «старого времени» с изображениями вечных литературных персонажей: Кармен, Отелло, Офелией, Дон-Кихотом, Эсмеральдой. Многие из них продолжали существовать практически в неизменном оформлении вплоть до 50-х годов XX века.

Характерной чертой упаковки в 1900—1920-х годах стало то, что более дешевые сорта продукции (мыла, конфет, помады, папирос) носили «народные» названия «Дуняша», «Оксана», «Груня» и т. п. Зато «литературные» названия — «Эсмеральда», «Манон», «Аэлита», «Трильби», «Турандот» — относились к дорогим сортам продукции. Сохраняется эта тенденция и в наши дни, когда литературным произведениям, их авторам посвящаются, как правило, самые дорогие сорта продукции.

Сегодня кондитерская отрасль стала одной из самых консервативных. Роль «зеркала истории» фантик уступил этикетке на алкогольную продукцию, в первую очередь водочную. Благодаря Псковскому АВЗ водка «Пушкин», как и столетие назад, одновременно шокирует, возмущает и радует современную публику.

Литература, отечественная и мировая, остается с нами, в нашей повседневной жизни, напоминая о себе не только с книжных полок, но и с витрин супермаркетов. И это любопытное явление, безусловно, заслуживает не только досужего любопытства, но и глубокого анализа.

Алла Кузнецова

ИТАЛЬЯНСКИЙ ПОЛДЕНЬ, ИЛИ ОБЕД ПО-ВЕНЕЦИАНСКИ

Читая книги и рассказывая о них, мы упускаем много интересных деталей. Потом тщетно пытаемся вспомнить, где об этом читали? Мы представляем коллекцию интересных (и полезных) деталей, встречающихся в книгах: игры, песни, рецепты блюд, советы и т. п. Наверняка кому-нибудь приходила в голову мысль приготовить блюдо по рецепту, приведённому в книге. Попробовать напиток, описанный в книге. Найти «тот» дом, парк, улицу, запечатлённые на книжных страницах. Подобрать материал на платье, по цвету совпадающий с платьем главной героини, примерить «её» украшения. Внести в свой дом что-нибудь из «того» интерьера... Словом, извлечь материальную пользу из прочитанного.

Леон Д. Гибель веры : роман / пер. с англ. Н. Жуковой. – М. : Иностранка, 2006. – 331 с. – (Лекарство от скуки).

В романе Донны Леон «Гибель веры» описан домашний обед комиссара венецианской полиции Брунетти. Типичен ли он для простых венецианцев — не знаю, но читаешь описание «с большим аппетитом»:

Сначала, по дороге домой, «прошутто» (пармский окорок), «обернутый вокруг тонкой хлебной палочки, и стакан шардоне, чтобы смыть солёный вкус мяса»;

Дома «неистовый аромат чеснока и лука». На сковороде «в густом томатном соусе булькали жёлтые и красные полоски перца, и в воздухе поднимался аппетитный запах колбасы.

— Тальятелле? — назвал он свою любимую домашнюю пасту.

Она улыбнулась и нагнулась помешать соус.

— Оно самое. — Повернулась к столу, увидела кулек. — Это что?

— Пуантарелле. Подумал — сделаем салат с анчоусовым соусом».

Пуантарелле — овощ из семейства сложноцветных, или астровых, близкий к цикорию. «Перья», или розетки, молодых листьев очень тонко нарезают вдоль и замачивают в большом количестве холодной воды на несколько часов. За это время цикориевая стружка завивается совершенно особым образом. Хрустящие завитки подают сырыми, полив оливковым маслом, уксусом и измельчёнными анчоусами.

Что такое «паста», надеюсь, все знают. Смешанная с соусом (смотри выше), она щедро посыпается тёртым пармезаном.

Ещё на обеденном столе присутствовало блюдо жареных баклажанов, булочки, минеральная вода и, наконец, блюдо с отбивными и разложенными по краю несколькими лимонными дольками.

«В этот день салата не было, и она хотела подать на десерт только фрукты. Но передумала: открыла на разделочном столе бумажную упаковку и вынула здоровенный пирог с начинкой из взбитых сливок, украшенный свежими фруктами...»

Огромные куски, которые она отрезала, по мнению Брунетти, способны были отправить их всех в инсулиновую кому. Зато сладость пирога, и кофе, и потом беседа о том, что первый весенний день не хуже этого пирога, восстановили и в семье некоторое спокойствие».

В итальянских семьях, кстати, считается, что дети (а у комиссара Брунетти их двое — дочь и сын) должны съедать за каждой трапезой по два овоща — это всегда убеждает их бабушек, что с внуками всё хорошо.

По-моему, именно в таком обеде — секрет семейного счастья. Надо бы попробовать.

Роман опубликован в серии «Лекарство от скуки». В этой же серии вышли ещё пять детективных романов Донны Леон: «Смерть в Ла Фениче», «Смерть в чужой стране», «Неизвестный венецианец», «Счет по-венециански». «Высокая вода». Для всех, кто любит детективы, Венецию и вкусную еду.

Американская беллетристка Донна Леон известна всему миру благодаря своему «венецианскому циклу», в центре которого — фигура комиссара итальянской полиции Гвидо Брунетти. Её романы переводятся и издаются более чем в двадцати странах. Свидетельство международного признания Леон — две престижнейшие награды: «Серебряный кинжал» Британской ассоциации авторов-детективщиков и японская премия «Сантори».

Янина Чиркова

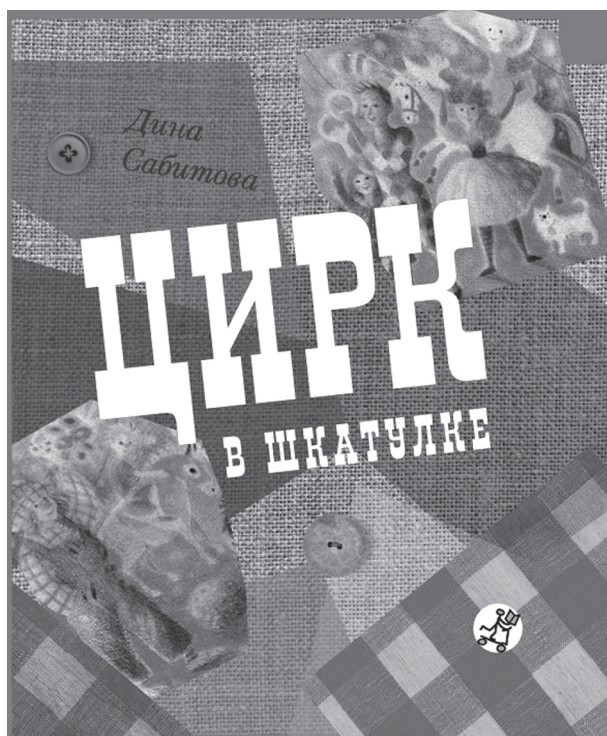
ПРИКЛЮЧЕНИЯ С ДОСТАВКОЙ НА ДОМ

Продолжение

ПОЧЕМУ ТАК ПОЛУЧИЛОСЬ, ЧТО ЭТА СКАЗКА ИМЕННО О ЦИРКЕ? ВЕДЬ ДЛЯ СОВРЕМЕННЫХ ДЕТЕЙ ЦИРК НЕ ЯВЛЯЕТСЯ ОДНИМ ИЗ САМЫХ ИНТЕРЕСНЫХ, ВОЛНУЮЩИХ И НЕОБЫКНОВЕННЫХ МЕСТ, КАК ЭТО БЫЛО ЛЕТ ДВАДЦАТЬ НАЗАД...

Цирк в данном случае — не столько зрелище, балаган, сколько модель маленького мира внутри большого. Декорация, в которой разворачиваются отношения героев книги. Не случайно на всем протяжении сказки цирку «Каруселли» не удастся сыграть представление от и до — это случается только в самом конце, когда жизнь у всех героев — и не только у циркачей — наладилась. Кстати, я не думаю, что нынешние дети относятся к цирку хуже, чем относились мы. Я однажды решила показать детям диафильм — думала, и смотреть не станут, пресыщенные анимационными мультиками и компьютерной графикой. Но их это заворожило чуть ли не сильнее, чем заворачивало нас в детстве. В простых вещах есть свое непреходящее очарование. Так и с цирком — ведь это настоящее. Акробаты и дрес-

«Дело в том, что цирк может в принципе обойтись без кого угодно: без жонглеров, без фокусников, без акробатов и даже (от этой мысли господин директор слегка побледнел, но честно додумал ее до конца) — даже без самого господина директора. Не может цирк обойтись только без животных и клоуна. И как выйти из создавшейся ужасной ситуации, господин директор не знал. Он только грустно смотрел по сторонам и бормотал себе под нос: “Эхе-хе... вот так номер”».

сировишки, клоуны и фокусники — на твоих глазах творят чудо. Дети это понимают. И всегда будут понимать.

**ДИНА, ВЫ МАТЬ ТРОИХ ДЕТЕЙ, И ОЧЕНЬ ХОЧЕТСЯ
СПРОСИТЬ: ПО ВАШЕМУ ОЩУЩЕНИЮ,
СОВРЕМЕННЫЕ ДЕТИ — ОНИ КАКИЕ?**

Да они разные. Такие же разные, как и взрослые. Пожалуй, от детей моего поколения (а я была типичным советским ребенком) они отличаются тем, что мы, нынешние взрослые, — вольно или невольно — говорим им больше правды. Даем меньше однозначных ответов — во всем, начиная со школьных учебников, где они могут встретить и Дарвина и креационизм, и кончая нравственными ориентирами, которые определяет семья. Это, конечно, свобода, но это и тяжело — если тебе не говорят, кто виноват и что делать.

ДИНА, О ЧЕМ МЕЧТАЛИ В ДЕТСТВЕ?

В три года я хотела стать шофером грузовика и поехать на нем в Андриан. В семь лет мечтала поехать в Одессу — мне очень нравилось это название, казалось в высшей степени великосветским. А в четырнадцать лет мечтала стать воспитателем в детском доме, педагогом.

*«Принцесса Амелия стояла перед
зеркалом и внимательно изучала свое
лицо. Наверное, она просто-напросто
не настоящая принцесса.*

*Нос, к примеру, совсем не похож.
И уши тоже какие-то неподходящие.
А главное — жизнь какая-то вовсе
не принцесская».*

© иллюстрации,
Наталья Саенко

В ВАШЕМ ДЕТСТВЕ, КАКИЕ У ВАС БЫЛИ ЛЮБИМЫЕ КНИГИ?

Я научилась читать в два с половиной года и за долгое детство перечитала массу всякого — в том числе и откровенной макулатуры. Так что лет до двенадцати у меня особо любимых книг не было — я мела все без разбора, будучи записана в три городские библиотеки. А когда я стала постарше, то до дыр зачитала три очень разных книги: Этель Лилиан Войнич — но не «Овода», а «Сними обувь твою» (это про жизнь прабабушки Овода книга), «Благие намерения» Альберта Лиханова (про детдомовцев) и «Дорога уходит вдаль» Александры Бруштейн. Последнюю книгу люблю и перечитываю до сих пор.

ВЫ СТАЛИ ИЗВЕСТНОЙ ДЕТСКОЙ ПИСАТЕЛЬНИЦЕЙ. ИЗМЕНИЛАСЬ ЛИ ВАША ЖИЗНЬ ПОСЛЕ ПОЛУЧЕНИЯ ПРЕМИИ И ПУБЛИКАЦИИ КНИГИ (И ЕСЛИ ДА, ТО КАК)?

Знаете, кого в этом мире можно назвать «известной детской писательницей»? Астрид Линдгрен. Так что к себе я никак не могу отнести эти слова. Что касается «жизни после книги», то это — и премия, и изданная книга — очень приятная штука. Врут те, кто скажет, что для них это ничего не значит. Но все-таки, к примеру, рождение ребенка меняет жизнь намного радикальнее, чем выход книги. Да, я всю жизнь что-то писала-сочиняла, и вот могу поставить себе галочку в жизненную графу: что ж, книжку напечатали. Но жизнь все та же самая. Из наиболее заметных изменений в жизни только то, что сейчас мне начали задавать вопрос, которого раньше никто не задавал: «Каковы ваши творческие планы». Сейчас и вы его зададите, небось?

КАКОВЫ ВАШИ ДАЛЬНЕЙШИЕ ТВОРЧЕСКИЕ ПЛАНЫ?

Ну вот, видите... Для того, чтобы отвечать на такой вопрос, не дрогнув, надо быть седовласым и толстопузым маститым членом Союза писателей. Но раз вы вопрос задали, то у меня включается преподавательская привычка — на вопрос надо что-то отвечать...

Скажем так: сейчас я пишу не сказку.

ДИНА, ВОТ ВЫ ГОВОРИТЕ О ТОМ, ЧТО ВАМ ЗАХОТЕЛОСЬ КАК-ТО СОЧИНИТЬ ОЧЕНЬ ДОБРУЮ СКАЗКУ, ГДЕ ВСЕ ХОРОШО – И ВЫ ЕЕ СОЧИНИЛИ. НО БЫВАЮТ КНИЖКИ, ГДЕ ВСЕ НЕ ТАК РАДУЖНО И ГДЕ ПОДНИМАЮТСЯ СЛОЖНЫЕ ТЕМЫ (КАК-ТО РАЗВОД РОДИТЕЛЕЙ, СМЕРТЬ, УНИЖЕНИЕ...). КАК ВЫ СЧИТАЕТЕ, О ЧЕМ МОЖНО И О ЧЕМ НЕЛЬЗЯ ГОВОРИТЬ С ДЕТЬМИ?

Вы думаете, что если в книге нет заведомых негодяев, то в ней и сложные темы не могут подниматься? Самые сложные темы – это как раз когда ты видишь: черного и белого нет, врагов нет, никто не виноват, а тем не менее – жить почему-то не просто и выход почему-то сразу не находится. А с детьми можно говорить на любые темы. Как только начинаешь им врать, так и запутываешься. Иное дело, что в детских книгах все же не должно быть двух вещей: цинизма в голосе автора и безысходности в итоге.

ЧТО САМОЕ ВАЖНОЕ ДЛЯ ДЕТСКОГО ПИСАТЕЛЯ?

Главное для детского писателя – получать удовольствие от жизни. Если это дело – жить – тебе не очень нравится, то ничего хорошего ты не напишешь.

И НАПОСЛЕДОК, ЧТО БЫ ВЫ ПОЖЕЛАЛИ ЧИТАТЕЛЯМ?

Читать!

Марина Кадетова
(Москва, редактор Издательского дома «Самокат»)

«– Видишь ли, мальчик, – рассудительно заметила принцесса, – я ни разу в жизни не встречала живых разбойников. И не живых тоже не встречала. Трудно судить, похож ты на разбойника или не похож. – Да я не разбойник. Я из цирка. Принцессе захотелось подпрыгнуть от радости. Ах, правильно она сделала, что не всполошила стражу. Мальчик из цирка! Приключение с доставкой на дом!»

... ДМИТРИЙ ПУЧКОВ. ПЕРЕВОДЧИК. ОКОНЧАНИЕ

(СМ. ББ № 3(6). 2008)

В первой части беседы Дмитрий Юрьевич рассказал, что он думает о Николае II, почему не доверяет Солженицыну, поделился воспоминаниями о службе в Советской Армии и представлениями о том, какая литература полезна, а какая – нет. В продолжении будет много о кино, о переводах, о жизни.

Осенью 2008 года в издательстве «Крылов» вышла новая книга Дмитрия ГОБЛИНА Пучкова «За державу обидно. Вопросы и ответы про СССР». Поздравляем и обязательно почитаем!

«ТО, ЧТО НЕПРИМЕНИМО К ЖИЗНИ, ОНО МЕНЯ ОЧЕНЬ СЛАБО ИНТЕРЕСУЕТ»

Раньше писатель — это было что-то сакральное. Еще в СССР так было. «Этот сказанул, видал?!» А там был еще один очень важный аспект: писателям в Советском Союзе не давали нести всякую чушь. То есть, невозможны были откровения в прессе. Вот сейчас оставшийся в живых брат Стругацкий может рот открыть, как скажет что-нибудь — хоть стой, хоть падай. Ведь писал хорошие детские книги человек. А тут вдруг раскрылся. Зачем это, для чего, вообще непонятно. На мой взгляд, не стоило ему такое говорить, потому что как-то совсем нехорошо получается. Это получается, ты во всех своих книжках врал все время, когда писал про светлое коммунистическое будущее. Врал детям и яд в уши лил.

А ВЫ ЕГО В ДЕТСТВЕ ЧИТАЛИ.

Конечно

А ЕЩЕ ЧТО ЧИТАЛИ?

По большей части лет до двадцати семи, наверное, вообще, кроме фантастики, ничего не читал. Это такая МАЛЬЧИКОВАЯ литература, правильная. Астрономия, физика — это ж надо понимать, про какое созвездие речь идет, какие звезды. У меня, например, в астрономии недюжинные познания совершенно. Я там телескопы самостоятельно в детстве изготавливал, стеклышки, зеркальца делал, всякое такое. Для головы это исключительно полезно, дает такие суровые технические познания. А после двадцати семи как-то перешел к философическим книжкам сразу. Про жизнь, именно бытовые, так сказать, аспекты, не какое-то там абстрактное рассуждение о бытии. То есть, я и это читал. Но то, что неприменимо к жизни, оно меня очень слабо интересует.

«ДАВАЙТЕ СНАЧАЛА НАУЧИМСЯ ЖИТЬ, КАК ЛЮДИ»

Выйдите в родной город, посмотрите, какая у нас грязь. При том, что пять лет назад было еще гаже, гаже было настолько, что просто слов нет. Пока у нас были замечательные мэры, особой духовностью отличавшиеся, мусор у Московского вокзала лежал вровень с тротуаром. Никто не убирал десятилетия. Первый раз город убрали к 300-летию, в 2003-м году. Первый раз убрали лет за пятнадцать.

**МОЖЕТ ВЫСОКОЕ ИСКУССТВО ВОСПИТЫВАТЬ
ПОТРЕБНОСТЬ В ОБУСТРОЙСТВЕ ЖИЗНИ ВОКРУГ СЕБЯ,
В ТОМ, ЧТОБЫ ВОКРУГ БЫЛО ПРЕКРАСНО?**

Прекрасно должно быть — берешь метлу, идешь, убираешь свой двор, красишь скамейку, разбиваешь цветничок, и тогда становится хорошо. Вот без рассказов, что государство обязано. Садись в трамвай, например, ехать домой, а вокруг все мылись последний раз две недели назад, и это как-то огорчительно очень.

ЕЗДИТЕ В ТРАМВАЯХ?

Бывает. Нужда заставляет. Или в метро, без разницы, где. *«Почему вы не моетесь?»* — хочется задать вопрос.

У нас непрерывно идут изменения в людях очень мощные. И при этом общий уровень культуры, он непрерывно снижается. Снижается, усредняется, это естественный процесс. XVII, XVIII, XIX века — существовала некая элита общества, которая подразумевала наличие денег, праздный образ жизни и стремление там к чему-то утонченному, постоянно. То есть, это люди, для которых, например, Иоганн Себастьян Бах мог сочинить что-нибудь, и эти люди были способны оценить то, что сочинил Иоганн Себастьян. Много ли вокруг вас людей, которые, без лицемерия, действительно способны оценить? Их очень мало, потому что для этого надо иметь исключительно серьезную подготовку и желательно самому на чем-нибудь брэнчать.

Ну, это как с оперой. Если раньше, во времена Александра Сергеевича, в оперу прибывали к определенной арии, где имел место определенный взвизг — *«Неплохо!»* — и развернулись, ушли обратно. Всё остальное не интересовало. Нынешние граждане, приходя в оперу, они покупают программку, чтобы узнать, а о чем сюжет, о чем это вообще. Недоразвитый, получается, если ты не знаешь, о чем это, значит у тебя серьезные проблемы в образовании. А зачем ему это надо? Зачем? Исключительно для того, чтобы поставить галочку: *«Я ходил»*. А что ты там можешь оценить?

**«ПРОГРЕСС ДВИЖЕТСЯ НЕ ТУДА,
КУДА ХОЧЕТСЯ БИБЛИОТЕКАРЯМ»**

**ВОТ И БИБЛИОТЕКАРИ СЕЙЧАС БЕСПОКОЯТСЯ,
ЧТО ЛЮДИ НЕ ЧИТАЮТ. ЧТО ДЕЛАТЬ?
ПЕРЕДЕЛЫВАТЬ ЖИЗНЬ ВОКРУГ?**

Нет, и жизнь нельзя переделывать. Прогресс движется не туда, куда хочется библиотекарям. Не имеет ничего общего с чаяниями библиотечарей. Книжки читать сложнее, чем смотреть кино. Гораздо сложнее. А кино смотреть просто и оно интереснее. Бабахает, взрывается, все бегают, говорят хорошие фразы, хорошие девчонки, симпатичные крепкие мальчишки — вот это интересно. Книжки читать гораздо тяжелее, и приучить ребенка, который с детства воткнут в ТВ (информация-то визуальная, она легче усваивается), приучить его читать

книги — ему неинтересно. Вы можете убеждать как угодно, ну, какое-то количество да, будет читать, а другие — не будут.

И поэтому просто-напросто надо заходить с другой стороны. Для этих самых детей должны быть некие дидактические материалы, оформленные в виде кино, видео и прочее — отсюда надо заходить. Чтение, оно не то что исчезнет. Книжки будут жить, но они в своем углу сейчас живут, угол будет еще меньше. Будет симбиоз — можно почитать, можно послушать, а можно посмотреть, и это крайне полезно.

Вот у американцев, например, существуют различные рейтинги и книжек, и фильмов, которые берут в прокатах. Так вот, у них литература художественная и литература мотивационная, где тебе объясняют, как надо пробиваться к успеху, собрать волю в кулак, написать план захвата мирового господства и уверенно его осуществить — это разные рейтинги. Если их свести в одну кучу, то художественная литература в хит-парад не попадет вообще, по умолчанию. Потому что это гораздо меньше людей интересует, чем способы организации своей жизни, ведущие к успеху, гораздо меньше. У нас такого на данный момент нет, хотя к этому всё идет, медленно и неизбежно сползает туда. Ибо мы хотим всё сделать точно так же, как в Америке и будет точно так же.

О ПОЛЬЗЕ СО ВСЕХ СТОРОН

А касательно видеопроката, на первых местах вовсе не фильм «Сталкер» Тарковского. Первое место уверенно держат фильмы, например, «Как прочистить сифон под раковиной», «Как наладить холостой ход карбюратора» — это же польза со всех сторон, правильно обустроенный быт, когда ты самостоятельно можешь что-то сделать. О чем это говорит? Что человека интересуют конкретные вещи в его жизни, и это правильно. «Как разбить цветничок под окнами», тоже полезно. Замечу, это не книги, это видеопособия, где тебе просто и понятно рассказывают.

Например, у нас есть Эрмитаж. Они, эти сотрудники Эрмитажа, непрерывно каждый раз подчеркивают: *«А вот у нас здесь лекторий при Эрмитаже и когда билеты в него продают, очередь стоит до арки Генерального штаба»*. Задаю вопрос — *«А чего вы своих лекторов не запишете на видео и не начнете продавать?»*. Потому что, если я живу где-нибудь во Владивостоке или Анадыре, я не могу ездить в город Санкт-Петербург, записываться в лекторий, не могу. А вот это я бы купил с удовольствием и посмотрел бы, как лектор там вещает о тонкостях, кто картины писал, почему, про что вот здесь, какая историческая эпоха. *«Зачем? Это мертвое всё, а тут живой лектор»*. Больные фантазии непрерывно проецируются на совершенно конкретные вещи. От этого надо лечить. Уколом бензина в мозг.

О КНИЖКАХ БУМАЖНЫХ И ДРУГИХ

ДЛЯ ВАС ЕСТЬ РАЗНИЦА МЕЖДУ ЭЛЕКТРОННЫМИ
И БУМАЖНЫМИ КНИГАМИ?

Да.

А НЕТ ОЩУЩЕНИЯ, ЧТО КНИГАМ НА БУМАГЕ МОЖНО БОЛЬШЕ ДОВЕРЯТЬ?

Нет. Там технический аспект, я так считаю. То есть, когда были мониторы вот такие — это было одно. Потом они стали поплотнее и появились ноутбуки. И в общем всё это неприятие книги с экрана сводится к тому, что ты должен сесть перед компьютером, вытаращиться: «Я *здесь работаю вообще, я чтением не занимаюсь*». Но у меня диссонанс. Я не могу кататься по полу, переворачиваться. Читая, разные позы принимаешь, попробуй-ка перед компьютером. Вот из-за этого оно не воспринимается. Но. В настоящий момент уже выпускают совсем другие электрические книжки — это вот такая плашка, радикально белый экран, на нем радикально черные буквы, читать гораздо удобнее. Книжек туда примерно десять тысяч влезает сразу. Вот это читать гораздо удобнее, радикально. Можно и в телефоне читать, просто экран маленький. А там специально экран под чтение. Там уже восприятие совершенно нормальное. Компьютер отторгает, в компьютере читать не люблю.

Но в компьютере все равно правильнее. Ну, например, мне надо найти какое-нибудь место, по слову. Гиперссылки, когда ты щелкаешь, а оно тебе...

НО ЭТО ВЕДЬ СМОТРЯ ЧТО ВЫ ЧИТАЕТЕ.

Абсолютно всё. Любое чтение подразумевает некий кустовой метод. В книжке же бывают сноски внизу, коротенькие, а через компьютер можно сразу в энциклопедию влезть, там тебе развернутые статьи, там тебе про это, про то, оно расползается, расползается во все стороны. Компьютер в этом плане удобнее несравнимо. Чтение бумажных книг, в которых нет поиска и гиперссылок, оно бесит просто, раздражает.

БУМАЖНЫЕ КНИГИ ВООБЩЕ ОСТАНУТСЯ?

Бумажные книги гораздо меньшую роль играть будут. Как произведения искусства типографского, отличные картинки, прекрасная бумага, это да, это будет. А все, что годится для использования, специальная литература, для отдыха, их никакого смысла печатать нет вообще. Во-первых, и стоять должны дешевле, гораздо. Если бумаги нет, почему я должен платить сто рублей? Тридцать — гораздо удобнее и правильнее. Ну, а специальная литература, учебники, это вообще только электрическое должно быть.

«КТО ТЫ ТАКОЙ, ЧТО ТЫ ВОТ ТАК ПЕРЕВОДИШЬ?»

Вот применительно, например, к переводам. Десять лет назад у меня были две полки словарями набитые — военные, медицинские, матерные, всякие разные. Ну, необходимо, и это было далеко не у каждого, и это было тяжело собрать, и ты являлся владельцем специального ресурса. «Ха-ха, дурачки! Видал, я тут просек, как оно на самом деле?». Сейчас всё гораздо проще. Лезешь в какую-нибудь «Википедию», онлайн-ую энциклопедию. Какое-то кино — там тебе полный расклад: почему оно так называется, что герой имел в виду, сказав вот это, сказав вот то? Полез туда, полез туда. То есть, количество информации неимоверно возросло. Видно и знаешь ты просто всё, вообще.

А если все равно чего-то не понял, то носителя языка можно спросить, а про что вот это. И он тебе, бестолковому, расскажет, что это часть поговорки. Есть такое кино, называется «Out of Sight», что на русский всегда переводится «Вне поля зрения». А это кусок поговорки «Out of sight, out of mind», что по-русски значит «С глаз долой — из сердца вон». При чем тут какое-то «вне поля зрения»? Кто ты такой, что ты вот так переводишь? Тебя надо расстрелять немедленно.

Переводы — это вообще больное место. Вот закончилась Советская власть, хлынуло. Ну, и до этого фантастические книжки были. Но, во-первых, оттуда волокни лауреатов различных премий, эти гениальные произведения. Назначался переводчик, достойный гражданин, он и переводил.

Хотя, с настоящей точки зрения, если взять даже книгу «Остров сокровищ», которая в детстве была прочитана миллион сто тысяч раз, вот если сейчас его читаешь в оригинале и читаешь, что они там напереводили... Не понимают никаких военно-морских терминов, которым у Стивенсона уделено особое внимание. Это английский писатель, там все кругом

матросы, и все понимают, о чем речь. Нельзя писать глупости всякие. У нас чушь в каждом слове. Переводчик не в курсе, что такое военно-морской флот, поэтому так — путая должности, паруса, мачты, всё на свете. Почему ты так делаешь? Так делать нельзя, это специальные термины, их надо переводить точно. Это не какие-то там словоблудия. Это ужасно.

О СМЕШНОМ

**ДЛЯ ВАС «ДВЕНАДЦАТЬ СТУЛЬЕВ» —
САМАЯ СМЕШНАЯ КНИЖКА?**

Я как-то затрудняюсь всегда на вопросы первенства, они меня всегда в тупик ставят. «Самая такая». Очень смешная. На мой взгляд, очень смешная. Насчет «самая», сказать не могу.

**ПРОСТО ВОТ КАК ВООБЩЕ У ЧЕЛОВЕКА ПОЯВЛЯЕТСЯ
ПОНИМАНИЕ СМЕШНОГО? ДЛЯ МНОГИХ РУССКИХ, ПО-
МОЕМУ, В НАЧАЛЕ «ДВЕНАДЦАТЬ СТУЛЬЕВ» И «ЗОЛОТОЙ
ТЕЛЕНОК», А ПОТОМ УЖЕ НА ЭТО ВСЁ НАНИЗЫВАЕТСЯ.**

«Золотой теленок», на мой взгляд, менее. На заказ написано, там видно очень сильно, что он не такой бодрый и яркий.

ЮМОР — ПОНЯТИЕ ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНОЕ?

Не совсем. Он очень сильно разный. Если на русских посмотреть, то у них масса всяких штампов в голове из кино, из книг и прочее. У нас все остроты, они цитаты, в основном, и если ты не в курсе, фильмы не смотрел, книжки не читал, тебе это и не понятно. Чего смешного-то? Остановился лифт, и все под крики «Замуровали, демоны» — всем уже смешно.

У англичан, например, у них не так. У них всё в такой чернейший сарказм, очень специфический, и такую мрачную иронию все время... Жизнь тяжелая вокруг, в общем-то, радоваться нечему, и поэтому все угрюмое достаточно. На мой взгляд, у них самое смешное. У нас в России английский юмор большим успехом не пользуется. Категорически причем не пользуется.

«ЕСЛИ ЭТО ПРАВИЛЬНО ДО НАШИХ ДОНОСИТЬ»

Вот есть типа фильмы «Карты, деньги, два ствола», «Большой куш» — Гай Ричи поставил, который муж Мадонны.

ВЫ ИХ ПЕРЕВОДИЛИ?

Да, и тот, и другой. При этом они существуют в лицензионных переводах, и это провал полный, ничего там смешного нет. Эти, которые я переводил — это фильмы культового статуса, они страшно смешные, там чудовищные шутки, ну, они ругаются там непрерывно. Очень смешно получилось. Кинопрокатчики, когда обращаются с предложениями — «переведите это, переведите то» — всегда спрашивают: «Что вы такого перевели, что наибольшей популярностью пользуется?» Я всегда говорю — вот это. Повисает пауза. «Это же полный провал в прокате, барахло фильм».

У вас барахло, а у меня... «Не может быть». На этом, собственно, разговор и заканчивается, потому что это за пределами понимания.

А АМЕРИКАНСКИЙ ЮМОР?

У американцев, у них язык неродной получается, у масс. Там это очень сильно видно. Англичане, они им гораздо ловчее оперируют, то есть, у них и ругательства такие позаковыристее, гораздо смешнее получается. А у американцев, у них в сторону упрощения, но при этом в своей простоте они тоже местами исключительно сильны. Не все, но бывает.

Другое дело, что у нас обычно оценивается так называемый американский юмор исключительно по негритянским комедиям подростковым. Не знаю, там, «Не грози Южному Централу», такие, кондово-дебильные. При этом у людей нет понимания, что это кино, которое снимают для зарабатывания денег. Что наиболее популярно и что у нас вызывает полное непонимание — это так называемый «сортирный юмор», шутки про дерьмо и так далее. Люди не понимают.

Это то, о чем в нормальном обществе, в нормальной ситуации никто не говорит. А если ляпнут, то всё, угар. Это безошибочный ход. Суть не в том, что сортирные шутки про дерьмо, суть в том, что они страшно смешные. Нравится, не нравится, большинство над ними ржет как умалишенные. Такая комедия обеспечит максимальные сборы, без всяких разговоров.

Судить по фильмам подобного рода о так называемом американском юморе в корне неправильно. С юмором у них полный порядок. У всех, у кого английский язык в качестве родного проходит, с юмором полный порядок. Потому что язык короткий, качество английских афоризмов, оно значительно выше, чем качество наших. Русский язык, он всегда на четверть длиннее, и вот так коротко и емко выразить мысль тяжело. У нас есть свои сильные стороны, несмотря на нашу склонность к словоблудию, в этом есть своя прелесть.

«ЗВЕРСКИЙ ПИАР»

ПРО САЙТ РАССКАЖИТЕ.

Там ситуация такая, двоякая. Он, в первую очередь, создавался...

ДА, КАКАЯ БЫЛА ЦЕЛЬ?

Цель всегда одна — деньги. Я не могу сказать, что я закликаюсь, он деньги приносит опосредованно. Не то чтобы ежедневно с самого сайта поступает там тысяча баксов. Такой вопрос меня не интересует.

НЕ ТАК ПРЯМОЛИНЕЙНО.

Ну, и так тоже в том числе. Там висит на нем реклама. Во-первых, изначально он построен для пиара — вот он я, у меня есть сайт, туда ходят люди, его читают. С другой стороны, мне очень нравится. Мне, как графоману, интересно что-нибудь написать. С моей точки зрения, получается смешно, мне это доставляет удовольствие.

www.oper.ru
Гути40к гоблина

ОЧЕНЬ СМЕШНО.

Смешно и окружающим, это резко повышает посещаемость и соответственно количество приносимых денег.

И ВАМ ИНТЕРЕСНО ОБЩЕНИЕ НА САЙТЕ?

Есть в этом определенный момент, когда народ, заходя на сайт, может задать тебе вопрос, а ты на него ответишь. Это вообще повергает — ничего себе! Это, типа, круто. Ну, там опять-таки, если раньше я этим занимался самостоятельно, то уже ни времени, ни сил — это невозможно. Когда? К каждой новости по тысяче пишут, их прочитать-то невозможно.

ЕГО ВЕДЬ УЖЕ ДЕСЯТЬ ЛЕТ ЧИТАЮТ?

Десять и есть, просто в этой ипостаси уже девять лет, а до этого год еще в другом месте. Вокруг него формируется так называемое «комьюнити», люди, которые каждый день ходят, его читают. На сайт ежедневно ходит сорок тысяч человек, из них двадцать тысяч, они ходят каждый день, еще двадцать — через день, выходные пропускают. Это много.

Обычно сайт — это коллектив, редакция. Но там, во-первых, зарплату всем платят, во-вторых, их много. Когда редакция работает, получается много, разнообразно, а тут несколько другое. Плюс это дает возможность мне лично выхода на огромную аудиторию. Как раньше было? Идти в газету — возьмут у тебя заметку, не возьмут? Есть главный редактор, который определяет лицо газеты. Правильно. Будь ты хоть семи пядей во лбу, одно дело, если ты в струю попадаешь и пишешь про то, что надо. Это да, востребовано. А нет — это никому неинтересно, иди гуляй со своими заметками. Есть другие, гораздо более насыщенные. А тут ты, чего хочешь, пижешь. И это достаточно круто.

Написал заметку про «Девятую роту» нашего Федора Бондарчука. Написал, как оно на самом деле было. Позвали в Кремль: *«Дмитрий! Интересно у Вас получается»*.

ХВАЛИЛИ?

Да нет, побеседовали просто, как меня можно использовать в мирных целях.

А МОЖНО?

А почему нет? Что подразумевается? Если совместное участие в каких-то полезных для страны проектах, почему нет? Если они, с моей точки зрения, бесполезны, то зачем мне это надо?

«ОКОНЧАТЕЛЬНО В СТОРОНУ КИНО»

ВАШ ФИЛЬМ ПРО «ДЕВЯТУЮ РОТУ» ВЫШЕЛ?

Прокатного удостоверения ждем.

В КИНОТЕАТРЕ ПОЙДЕТ?

Нет. Его просто надо получить. Получение прокатного удостоверения, к моему немалому удивлению, отнимает полгода. Поэтому вот, сидим,

ждем. Ситуация просто идиотская: административные перестановки в руководстве, и никому ничего не дают.

В последнее время я окончательно созрел для изготовления видеороликов. То есть, я их уже с момента создания сайта пытаюсь делать, с разной степенью успешности. Ну а сейчас перешёл к регулярному выпуску. Первый же ролик посмотрели за месяц сто тысяч человек. В общем-то, это больше, чем тиражи профильных изданий про кино. Третий ролик уже за неделю посмотрели пятьдесят тысяч, учитывая праздники. Мы его во вторник повесили, за первый день его двадцать пять тысяч посмотрели и сейчас вот - уже пятьдесят. Учитывая, что четыре выходных.

Ролики в первую очередь «киноманского» направления. Имея богатый опыт перевода фильмов, вижу в кино всякое, о чём бывает небезынтересно рассказать. Позицию занимаю сугубо зрительскую: как все качаю ролики из сети, как все читаю заметки, как все хожу в кино. То есть никакой «эксклюзивности», никакой «элитности» — просто индивидуальный взгляд обычного зрителя. Получается, на мой взгляд, весело. Народ смотрит активно.

Валентина Живаева

29 июля 2008 года